

**Георгий
Комиссаров**

WW II

ВОЙНА

НАЧАЛО

**Цикл "Посланник
МИД"**

книга шестая

Георгий Комиссаров

WW II Война, начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71594113

SelfPub; 2025

Аннотация

26 июня 1941 год, Берлин

Я, Козырев Сергей Владленович, спецпосланник НКВД СССР, хитростью выбравшись из окружённого и охраняемого эсэсовцами здания полпредства Советского Союза, выполнил задание и сообщил временному поверенному в делах САСШ в Третьем рейхе Леланду Беррнаду Моррису, что нас всех советских дипломатов с семьями интернировали на территории посольства... а судьба других советских граждан неизвестна... МИД Германии настаивает на паритетном обмене нас на немцев в СССР, а не общепринятой формуле «всех на всех». Связи у нас с Москвой и вообще с миром – нет!

Мистер Моррис меня заверил в горячей своей поддержке и что обо всём, что я ему рассказал, тут же станет известно в Москве и всему мировому сообществу.

Все персонажи являются вымышленными, и любое совпадение с реально живущими или жившими людьми случайно.

Фото для обложки взяты из док.фильма "Вторая Мировая. День за днём".

Содержание

Вступление	4
Глава 1	35
Глава 2	66
Глава 3	87
Глава 4	105
Глава 5	133
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Георгий Комиссаров

WW II Война, начало

Вступление

26 июня 1941 год, Берлин

Я, Козырев Сергей Владленович, спецпосланник НКВД СССР, хитростью выбравшись из окружённого и охраняемого ээсовцами здания полпредства Советского Союза, выполнил задание и сообщил временному поверенному в делах САСШ в Третьем рейхе Леланду Беррнаду Моррису, что нас всех советских дипломатов с семьями интернировали на территории посольства... а судьба других советских граждан неизвестна... МИД Германии настаивает на паритетном обмене нас на немцев в СССР, а не по общепринятой формуле «всех на всех». Связи у нас с Москвой и вообще с миром – нет!

Мистер Моррис меня заверил в горячей своей поддержке и что обо всём, что я ему рассказал, тут же станет известно в Москве и всему мировому сообществу.

И вот, после этой встречи, якобы с моей берлинской девушкой, я в условленном месте... где меня ждал подкупленный мною ээсовец Хейнеман, который и помог мне выбраться из полпредства СССР в Берлине.

Как только я сел в его машину, мы сразу же тронулись...

– Ну, как девушка? – спросил Хейнеман.

– Всё в порядке, благодарю вас. Она так была рада меня увидеть, – последовал мой ответ.

Хейнеман стал отпускать какие-то шуточки, но я слушал его невнимательно.

Вспомнив, что у меня кончаются лезвия для бритвы, я попросил его подъехать к первому попавшемуся галантерейному магазину. Пока я выбирал лезвия, он рассматривал роскошный помазок.

– Вот бы иметь такой! – с завистью сказал он. – Но это могут себе позволить только состоятельные люди...

Я предложил ему принять этот помазок в подарок. Он не заставил себя уговаривать и, когда я расплатился, спрятал пакетик в карман кителя.

По Шарлотенбургскому шоссе мы направились к знаменитому берлинскому «функтурму» – радиомачте. Днём в этом излюбленном месте вечерних прогулок берлинцев было обычно пустынно, и мы решили там прогуляться.

Сначала немного погуляли в парке, окружавшем радиомачту. В одном из его отдаленных уголков, около ящиков для отбросов, стояли две скамейки, выкрашенные в ядовито-желтый цвет.

На спинках скамеек ярко выделялась черная буква «Л» – первая буква слова «Лийе».

Как и во всех скверах и парках гитлеровской Германии,

скамейки около мусорных ящиков были специально отведены для евреев.

Когда мы с Хейнеманом прошли мимо скорбной фигуры женщины в черном, сидевшей согнув спину и опустив голову на краешке одной из скамеек, меня передернуло.

– Я вас понимаю, – тихо сказал Хейнеман.

Этот эсэсовский офицер и тут оказался белой вороной.

– Хотите я вам расскажу анекдот, который ходит сейчас в Берлине, – продолжал он, когда мы отошли подальше.

Я согласился, а он с охотой продолжил:

– В вагоне метро сидит старушка с нашитой на груди желтой «звездой Давида». Рядом с ней место свободно. Входит немка с девочкой. Немка садится рядом со старухой, и та сразу же поднимается, чтобы уступить место арийской девочке. Девочка садится, но мать дергает её за руку и заставляет встать.

– Как ты смеешь Мальвина, – возмущенно говорит она ей. – Ведь ты взобралась на место, где только что сидела еврейка...

Некоторое время место пустует. Затем сидящий напротив пожилой рабочий поднимается и садится на место, с которого встала старуха-еврейка. Он усиленно ерзает задом по сиденью. Потом, встав, говорит, обращаясь к немке:

– Прошу покорно, сударыня, теперь ваша дочь может сесть, ничего не опасаясь. Это место опять стало чисто арийским...

– Это, кажется, даже не анекдот, а быль, – говорю я Хейнеману, смеясь...

Мы садимся за столик на террасе летнего кафе, расположенного у подножия радиомачты.

Теперь Хейнеман решил проявить ко мне внимание и заказал две кружки мюнхенского пива.

Он почти всё время молчал в машине после того как мы выехали из посольства и тогда, когда меня ждал... видимо, тоже нервничал.

Теперь к нему вернулась болтливость, и он без умолку рассказывал всякие забавные истории из своей школьной жизни.

Я слушал его рассеянно, а сам думал о том, все ли сложится благополучно Морриса. Какие шаги будут приняты Москвой?

Я краем глаза следил за окружающими. Всё было спокойно... Вроде как и нет войны... Если кто и наблюдал за ним, то должен был подумать, что произошла случайная встреча друзей.

Закончив с пивом и расплатившись, мы пошли назад к машине.

Затем немного покружив немного по улицам, мы подъехали к зданию посольства и нажал на клаксон. Ворота открылись. Оказавшись во дворе, мы вздохнули с облегчением.

В посольстве уже был снова приготовлен шикарный ужин на двоих.

Мне хотелось поскорее избавиться от Хейнемана, но все же пришлось посидеть с ним более часа и выслушивать его нескончаемые рассказы. Разрядка после нервного напряжения давала себя знать: меня охватила какая-то апатия.

Когда Хейнеман ушёл, посвященные в полпредстве в эту операцию обсудили итоги.

По общему мнению – она прошла успешно: мною было передано короткое сообщение о сложившейся обстановке. Если не произойдет что-либо непредвиденное, то уже к вечеру наше послание будет в Москве. Но нам важно было знать это наверняка, а также получить из Москвы подтверждение правильности нашей позиции.

Поэтому было решено ещё раз сделать вылазку, воспользовавшись лазейкой на волю, открытой для нас обер-лейтенантом Хейнеманом.

В 00-00 часов по Москве все в полпредстве снова прильнули с надеждой к большой радиоле в зале для приёмов.

До боли знакомый голос диктора Левитана торжественно произнёс: «Сводка от Совинформбюро за 26 июня»

«В течение 26 июня на Минском направлении наши войска вели бои с просочившимися танковыми частями противника.

Бои продолжаются.

На Луцком направлении в течение всего дня идут крупные и ожесточённые танковые бои с явным перевесом на стороне наших войск.

На Черновицком направлении наши войска успешно отражают попытки противника форсировать реку Прут.

На Бессарабском участке фронта наши войска прочно удерживают за собой госграницу, отбивая атаки немецко-румынских войск.

Противник, пытавшийся наступать у Скулени, с тяжёлыми для него потерями

отброшен на западный берег реки Прут.

Наша авиация в течение дня бомбардировала Бухарест, Плоешти и Констанцу.

Нефтеперегонные заводы в районе Плоешти горят.

На советско-финляндской границе боевых столкновений наземных войск 26 июня не было.

В Балтийском море действиями нашей авиации и лёгких морских сил потоплены две подводные лодки противника.

В течение 26 июня авиация противника особой активности не проявляла. Истребители противника оказывали слабое сопротивление нашим бомбардировщикам.

Данные о количестве уничтоженных самолётов противника и наших потерях

уточняются.

Румынские пленные рассказывают, что в каждом румынском полку имеется 40 германских солдат и офицеров, ибо германское командование не верит румынским солдатам.

В тылу румынских войск располагается, как правило, германская артиллерия.

Немцы заставляют воевать румын насильно, так как румынские солдаты настроены против войны и немцев.

Военным объектам городе Яссы, Румыния, воздушной бомбардировкой, произведённой нашими самолётами, причинены большие разрушения.

Командир артиллерийского подразделения товарищ Манзий, участник боёв с финской белогвардейщиной, умело помог нашей пехоте отбить попытку противника форсировать реку Прут у энского села. Организовав тщательное наблюдение и точно установив наиболее уязвимое место врага, товарищ Манзий открыл внезапный сокрушительный огонь в тот самый момент, когда противник начал переправляться.

Артиллеристы разрушили в этом бою три переправы противника, подбили шесть орудий. Враг не ступил здесь на Советскую землю.

На одном из участков советской границы небольшая группа наших разведчиков через реку Прут совершила налёт на вражескую территорию. Смелые бойцы взяли в плен и привели 10 солдат противника, захватили ручной пулемёт и 8 винтовок.

Все разведчики благополучно вернулись в расположение своей части.

На некоторых участках фронта в Белоруссии установлено появление отдельных групп противника в форме бойцов Красной Армии. Благодаря бдительности наших частей этот обман коварного врага был своевременно разоблачён, и

группы диверсантов уничтожены или захвачены.

На территории Советской Белоруссии противник с целью шпионажа высадил несколько небольших групп парашютистов – по 4 – 6 человек с радиостанциями.

Эти парашютисты выловлены местными жителями и переданы в распоряжение военных властей.

Всякая попытка высадить парашютистов встречает самый энергичный отпор. Так, например, при высадке вражеского воздушного десанта в местечке эн, Украина, стоявшая поблизости кавалерийская часть Красной Армии немедленно атаковала и уничтожила весь десант в момент его приземления.

В районе Кулей энский стрелковый полк был окружён превосходящими силами противника.

Командование умелыми энергичными действиями пробило брешь в кольце врага и вывело весь полк из окружения, сохранив материальную часть и живую силу.

Немецкий солдат Альфред Лискоф, не пожелавший воевать против советского народа, перешёл на нашу сторону.

Альфред Лискоф обратился к немецким солдатам с призывом свергнуть режим Гитлера».

На этой браваурной ноте Левитан закончил своё сообщение.

В этот раз меня в сводке порадовал эпизод о переодетых немцах. Хотелось верить, что это не выдумка и действительно моё предупреждение Судоплатову возымело действие.

Я перед самым своим отъездом сюда 19 июня заходил к нему на Лубянку и как бы от своих источников в абвере сообщил ему о возможных массовых забросках немецких диверсантов, переодетых в нашу форму. Рекомендовал обращать внимание всех в приграничной зоне на всех аккуратных и чистеньких. А что касается документов, то это наличие фото и скрепки в солдатских и командирских книжках из нержавеющей стали. И тут же ему продемонстрировал, попросив показать его удостоверение. У него, как и у всех, они оставили на бумаге ржавый след. А насчёт фото, так у нас в солдатских книжках его ни у кого нет. Место для фото есть, а его нет! Да и книжки не всегда с собой есть. Вернее – только когда в увольнительную идёт рядовой, то выдают. А так все лежат в штабе! Так что боец с документом и фото уже подозрителен.

После прослушивания Совинформбюро местный ушлый парторг затеял митинг.

Лучше бы он этого не делал...

Народ тут же засыпал его вопросами...

Самый простой: – почему наши не бомбят Берлин?!

Я не стал задерживаться перед ещё одним сложным днём и ушёл к себе за шторку спать...

Утром следующего дня ... не успел я позавтракать, как в полпредство снова ворвались громилы в форме СС и потребовали меня.

За мной в столовую прибежал испуганный Деканозов и

стал мне выговаривать:

– Вот видите, к чему привела ваша с Бережковым самодеятельность?!!

Это я так понял он имел ввиду вчерашнюю удачную вылазку...

Я ему не ответил, а спокойно допив такой тут дефицитный натуральный кофе, отправился к выходу из здания. Там в фойе меня ждали...

– Ви есть герр фон Козырёфф?, – на ломаном русском спросил один из эсэсовцев в звании штурмбанфюрера.

Я кивну и двое других схватив меня под руки поволокли к двери и дальше в чёрный «Мерседес». И всё это на виду у изумлённой публики – в основном жён дипломатов и их детей.

Затем меня привозят в какое-то здание, которое оказывается домом Центрального Комитета Национал-социалистической партии.

Меня принимает Управляющий делами Дерингер, который быстро регулирует «это досадное недоразумение», – как он выразился. Я отмахнулся и сказал, что такой спектакль мне как раз на руку...

Затем он мне сообщает, что меня ждёт доктор Лейббрандт. – Кто такой доктор Лейббрандт?, – спрашиваю, делая вид, что не знаю.

– Первый заместитель Розенберга, – отвечает тот с придыханием.

Через 10 минут Лейббрандт меня принимает. Он оказывается «русским немцем» – окончил в своё время Киевский политехникум и говорит по-русски, как я.

Он начинает с того, что наша встреча должна оставаться в совершённом секрете и по содержанию разговора, который нам предстоит, и потому, что я известен им как антикоммунист и друг Германии, и если Советы узнают о моём приезде сюда, то у меня потом могут быть неприятности, которых лучше избежать.

Пока он говорит, из смежного кабинета выходит человек в мундире и сапогах, как две капли воды похожий на Розенберга, большой портрет которого висит тут же на стене. Это – Розенберг, но Лейббрандт мне его не представляет.

Видимо тот предупредил, что мы давно знакомы и в представлении не нуждаемся.

Розенберг сухо поздоровался, облакачивается на стол и начинает вести со мной разговор.

Он, как я давно знаю, тоже хорошо говорит по-русски – он родом с Прибалтики, из остзейских немцев, учился в Юрьевском (Дерптском) университете в России. Но он говорит медленнее, иногда ему приходится искать нужные слова.

Я ожидаю обычных вопросов о Сталине, о советской верхушке – я ведь считаюсь тут специалистом по этим вопросам. Действительно, такие вопросы задаются, но в контексте очень специальном: вот идёт война пятый день, что происходит, по моему мнению, в партийной верхушке?

Тут я ничего не понимаю – почему я являюсь объектом такого любопытства Розенберга и Лейббрандта?

Они давно знают, что я отнюдь не согласен с их идеологией, в частности, считаю, что их ультранационализм очень плохое оружие в их борьбе с коммунизмом, так как производит как раз то, что коммунизму нужно: восстанавливает одну страну против другой и приводит к войне между ними, в то время как борьба против коммунизма требует единения и согласия всего цивилизованного мира.

Это моё давнее отрицание их доктрины, я знаю по своему опыту, вовсе не производит на плохого впечатления на Гитлера и его окружение.

Затем я говорю им: – Из всего, что здесь было сказано, совершенно ясно, что война против Советов пошла не так.

Розенберг спешит сказать: – Я этого не говорил.

Я же ему в ответ говорю: – Я человек политически достаточно опытный и не нуждаюсь в том, чтобы мне рассказывали и вкладывали в рот. Позвольте и мне поставить вам вопрос: «Каков ваш политический план войны?»

Розенберг говорит, что он не совсем понимает мой вопрос.

Я уточняю: – Собираетесь ли вы вести войну против коммунизма или против русского народа?

Розенберг просит указать, где разница.

Я говорю: разница та, что если вы будете вести войну против коммунизма, то есть, чтобы освободить от коммунизма

русский народ, то он будет на вашей стороне, и вы войну выиграете; если же вы будете вести войну против России, а не против коммунизма, русский народ будет против вас, и вы войну проиграете.

Розенберг морщится и говорит, что самое неблагоприятное ремесло – политической Кассандры.

Но я возражаю, что в данном случае можно предсказать события. Скажем иначе: русский патриотизм валяется на дороге, и большевики четверть века попирают его ногами. Кто его подымет, тот и выиграет войну. Вы подымете – вы выиграете. Сталин подымет – он выиграет.

В конце концов Розенберг заявляет мне стандартную фразу: – У нас есть фюрер, который определяет политический план войны, и что ему, Розенбергу, пока этот план неизвестен.

Я принимаю это за простую отговорку. И начинаю на них давить....

И выясняю, что дело в том, что в этот момент Розенберг, и Лейббрандт вполне

допускают, что в начале войны, может быть, придётся создать антибольшевистское русское правительство.

Никаких русских для этого они не видели.

И... то ли в результате моей деятельности, то ли по отзыву Шелленберга, они приходят к моей кандидатуре, и меня спешно вызывают, чтобы на меня посмотреть и меня взвесить, – как они выразились.

Выяснилось, что Розенберг получил давнее предрешённое назначение – министр оккупированных на Востоке территорий, и Лейббрандт – его первый заместитель.

В первый же раз, как Розенберг пришёл к Гитлеру за директивами, он сказал ему: «Мой фюрер, есть два способа управлять областями, занимаемыми на Востоке, первый – при помощи немецкой администрации, гауляйтеров... второй – создать русское антибольшевистское правительство, которое бы было и центром притяжения антибольшевистских сил в России».

Гитлер его перебивает: «Ни о каком русском правительстве не может быть и речи... Россия будет немецкой колонией и будет управляться немцами».

После этого Розенберг решает использовать меня... в качестве возможного претендента на правителя России, который может изменить позицию Гитлера.

На это я ему сказал, что 22 июня прочёл в газете манифест Гитлера о войне. В манифесте ни слова о русском государстве, об освобождении русского народа. Наоборот, всё о пространстве, необходимом для немецкого народа на Востоке и так далее... Всё ясно. Фюрер начал войну, чтобы превратить Россию в свою колонию.

– План этот для меня, – говорю я им, – совершенно idiotский...

– Если Гитлер не передумает... для меня Германия войну проиграла – это только вопрос времени, а коммунизм войну

выигрывает, – констатирую я.

В этом месте Розенберг надулся и вышел, не попрощавшись...

Лейббрандт стал вещать мне, что немецкая армия победоносно идёт вперёд, пленные исчисляются уже сотнями тысяч, а русские войска в окружении – миллионами.

Я отвечаю ему, что совершенно уверен в поражении Германии, политический план войны бессмысленный, сейчас уже все ясно – Россию хотят превратить в колонию, пресса трактует русских как унтерменшей, пленных морят голодом.

Лейббрандт снова завёл шарманку, что немецкая армия быстро идёт вперёд от победы к победе, население встречает немцев колокольным звоном...

И спрашивает: – настаиваю ли я на своих прогнозах?

Я ему отвечаю, что больше, чем когда бы то ни было и поясняю:

– Да... быть может, что население встречает колокольным звоном, солдаты сдаются, а через два-три месяца по всей России станет известно, что пленных вы морите голодом, что население рассматриваете как скот. Тогда перестанут

сдаваться, станут драться, а население – стрелять вам в спину. И тогда война пойдёт иначе.

Лейббрандт сообщает мне, что он хотел бы предложить мне руководить политической работой среди пленных.

Я наотрез отказываюсь, аргументируя:

– О какой политической работе может идти речь? Что мо-

жет сказать русским пленным тот, кто придёт к ним? Что немцы хотят превратить Россию в колонию и русских в рабов и что этому надо помогать? Да пленные пошлют такого агитатора на три весёлых буквы, и будут правы.

Лейббрандт наконец теряет терпение: – Вы в конце концов... интернированный нами бесштатный гражданин, а разговариваете как посол великой державы. – Я и есть представитель великой державы – русского народа, так как я – единственный русский, с которым ваше правительство сейчас разговаривает, моя обязанность вам всё это сказать, – отвечаю ему гордо.

Лейббрандт на это говорит мне сухо: – Мы можем вас расстрелять, или послать на дороги колоть камни, или заставить проводить нашу политику.

Я, улыбнувшись, отвечаю ему на его выпад:

– Доктор Лейббрандт, вы ошибаетесь. Вы действительно можете меня расстрелять или послать в лагерь колоть камни, но заставить меня проводить вашу политику вы не можете.

Реакция Лейббрандта неожиданна. Он подымается и жмёт мне руку.

– Мы потому с вами и разговариваем, – говорит он мне, – что считаем вас настоящим человеком.

Мы опять спорим с ним о перспективах, о немецкой политике, говоря о которой я не очень выбираю термины, объясняя, что на том этаже политики, на котором мы говорим, можно называть вещи своими именами.

Но Лейббрандт возражает всё более вяло. Наконец, сделав над собой усилие, он говорит: – Я, герр фон Козырёфф, питаю к вам полное доверие... и скажу вам вещь, которую мне очень опасно говорить: я считаю, что вы во всём правы!

Я вскакиваю: – А Розенберг?

– Розенберг думает то же, что и я.

– Но почему Розенберг не пытается сам убедить Гитлера в полной гибельности его политики?

– Вот здесь, – говорит мне Лейббрандт с грустью в голосе, – вы совершенно не в курсе дела.

– Гитлера сейчас вообще ни в чём невозможно убедить. Прежде всего, только он говорит, никому ничего не даёт сказать и никого не слушает.

– А если бы Розенберг попробовал бы его убедить, то результат был бы только такой:

Розенберг был бы немедленно снят со своего поста как неспособный понять и проводить мысли и решения фюрера, и отправлен солдатом на Восточный фронт. Вот и всё!, – констатировал он.

– Но, если вы убеждены в бессмысленности политики Гитлера, как вы можете ей следовать?!, – воскликнул я.

– Это гораздо сложнее, чем вы думаете, герр фон Козырёфф, – говорит Лейббрандт, упомянув мой титул, – и это не только моя и Розенберга проблема, но и проблема всех руководителей нашего движения.

– Когда Гитлер начал принимать свои решения, казавши-

еся нам безумными, – оккупация Рура, нарушение Версальского договора, вооружение Германии, оккупация Австрии, оккупация Чехословакии, каждый раз мы ждали провала и гибели. Каждый раз он выигрывал. Постепенно у нас создалось впечатление, что этот человек, может быть, видит и понимает то, чего мы не видим и не понимаем, и нам ничего не остаётся, как следовать за ним. Так же было и с Польшей, и с Францией, и с Норвегией, а теперь в России мы идём вперёд и скоро будем в Москве. Может быть, опять мы не правы, а он прав?, – задал он риторический вопрос.

На это я ему сказал:

– Доктор Лейббрандт, мне тут нечего делать, я хочу вернуться в Москву.

На это он возразил:

– Но поскольку вы, герр фон Козырёфф, против нашей политики, вы будете работать против нас.

Я кивнул головой и добавил:

– Увы, я могу вам обещать, что я ни за кого и ни против кого работать не буду. – На большевиков я работать не могу – я враг коммунизма... с вами не могу – я не разделяю ни вашей идеологии, ни вашей политики... с союзниками тоже не могу – они предают западную цивилизацию, заключив преступный союз с Коммунизмом.

– Мне, дорогой доктор Лейббрандт, остаётся лишь заключить, что западная цивилизация решила покончить самоубийством, – завернул я ему вычурную фразу напоследок.

Разговор наш кончается ничем, и на моём желании вернуться в полпредство.

Меня возвращают назад, как и доставили сюда...

По дороге я ещё раз прокрутил свой разговор. – Вроде бы нигде не прокололся, говорил всё то же, что и всегда... такой себе антикоммунист-антинацист ... просто «дипломат-посредник-двойной шпион»...

Снова нахлынули грустные мысли о том, что я не выполнил своё предназначение и не предотвратил эту страшную Войну.

С таким искажённым от тяжких дум лицом я и предстал перед Деканозовым.

– Ещё и этому индюку нужно что-то соврать, – пронеслось у меня в голове.

Но тот смотрел на меня с жалостью, а от объяснений меня спас Левитан.

Как раз Совинформбюро начало передавать очередную сводку за 27 июня:

«В течение дня наши войска на Шяуляйском, Вильненском и Барановичском направлениях продолжали отход на подготовленные для обороны позиции, задерживаясь для боя на промежуточных рубежах.

Боевые действия наших войск на этих направлениях носили характер ожесточённых столкновений. На отдельных направлениях и участках наши части переходили в контратаки, нанося противнику большое поражение.

На Луцком и Львовском направлениях день 27 июня прошёл в упорных и напряжённых боях. Противник на этих направлениях ввёл в бой крупные танковые соединения в стремлении прорваться через наше расположение, но действиями наших войск все попытки противника прорваться были пресечены с большими для него потерями.

В боях взято значительное количество пленных и трофеев.

На Минском направлении отбито наступление крупных танковых частей противника.

В результате контрудара наших войск на этом направлении разгромлен крупный штаб противника. Убит немецкий генерал и захвачены оперативные документы. На другом участке этого же направления нашими частями уничтожено до 40 танков противника.

На Бессарабском участке фронта наши части нанесли удар по противнику в районе Скулени, сорвав подготовку крупного наступления его на этом направлении.

В ночь на 27 июня группа наших войск при поддержке речной флотилии форсировала Дунай и захватила выгодные пункты, 510 пленных, в том числе 2 офицеров, 11 орудий и много снаряжения.

На всём участке фронта от Перемышля и до Чёрного моря наши войска прочно удерживают госграницу.

В боях с германскими захватчиками командиры, бойцы, целые подразделения и части Красной Армии проявляют ис-

ключительный героизм, находчивость и отвагу.

Так энский стрелковый полк стремительным ударом выбил немцев из местечка энск, взяв в плен 22 человека. Противник отступил, оставив на поле боя свыше 700 убитых и раненых.

В боях на румынской границе части энской стрелковой дивизии захватили в плен 800 немцев и румын.

Наш Черноморский флот совместно с авиацией нанёс удар по базе немецких кораблей в Констанце.

Самоотверженно действовала рота, которой командует лейтенант Швец.

В энском районе эта рота атаковала вдвое сильнейшего противника и вынудила его отступить с большими потерями.

В зенитной артиллерийской части, которой командует полковник Турбин, особенно отличилась батарея лейтенанта Муравьёва.

Эта батарея один за другим сбила два вражеских самолёта «Юнкерс-88» и взяла в плен пять немецких лётчиков, в том числе двух лейтенантов.

На рассвете 25 июня немецкий батальон, одетый в красноармейскую форму, пытался вторгнуться на Советскую территорию.

Наша рота под командой лейтенанта Жигова, оборонявшая энское село, встретила противника сильным огнём.

Но фашисты начали кричать по-русски: «Не стреляйте: мы свои!»

Бойцы ослабили огонь и были быстро окружены врагами. Тогда пулемётный взвод, которым командует младший лейтенант Пушкаренко, гранатами пробил себе дорогу, а затем мощным огнём своих пулемётов прикрыл контратаку стрелковых подразделений.

В результате рота успешно вышла из расставленной врагом ловушки, нанеся немцам серьёзный урон.

Финляндский президент Рюти, выступая 26 июня по радио, повторил клевету Гитлера: он заявил, что «во время переговоров в Берлине в ноябре 1940 года СССР требовал от Германии свободы рук, чтобы урегулировать свои счёты с Финляндией и ликвидировать эту страну».

Эта наглая лож имеет своей целью обмануть народ Финляндии, натравить его на Советский Союз.

Правители Финляндии пытаются скрыть от финского народа превращение Финляндии в плацдарм немецких фашистов для нападения на СССР.

Итальянская печать пытается ввести в заблуждение мировое общественное мнение своими сообщениями о том, будто «Россия имеет агрессивные намерения против Болгарии и других балканских стран». В действительности всему миру известно, что болгарский и русский народы связаны узами исторической дружбы на протяжении многих десятилетий. СССР принимал всевозможные меры к тому, чтобы оградить Болгарию от войны, в которую её вовлекал и вовлекает Гитлер. СССР никогда не имел и не имеет никаких агрессивных

намерений и по отношению к другим балканским странам.

В то же время всем известно, что Германия растоптала государственную независимость и национальную самостоятельность балканских государств, а фашистская Италия поработила Грецию и большую часть Югославии.

В Будапеште объявлено, что Венгрия считает себя в состоянии войны с Советским Союзом. Это решение вызвано тем, что советская авиация якобы совершала налёты на города Венгрии. Это утверждение является ложным: советская авиация никаких налётов на города Венгрии не производила.

Правительство Венгрии боится сказать честно и открыто, что оно объявило состояние войны по приказанию Гитлера и ещё потому, что венгерские правители не прочь при случае пограбить чужое добро.

Небезызвестная итальянская газетка «Мессаджеро» распространяет в явно провокационных целях сообщение о том, будто бы «русские готовятся к химической войне».

Назначение этой провокации ясно каждому, кто мало-мальски знаком с обычными приёмами германо-итальянских фашистов.

Возможно, что они сами готовят химическую войну и, пытаясь заранее спутать карты, валят с больной головы на здоровую».

На этом Левитан закончил, а люди стояли и ждали пояснений.

Меня, как и всех, встревожила новая фраза, промелькнув-

шая в сводке: «отход на подготовленные для обороны позиции», а также появление новых направлений, особенно упоминание Минска, который от границы находится на расстоянии 320 км. Что на пятый день войны для всех было неожиданным и говорило о продвижении немцев со скоростью не менее 30-40 км. в день минимум.

И хоть в полпредстве никто пока не верил лондонскому радио, не говоря уже о немецком... говоривших про такое стремительное наступлении фашистов в глубь СССР, но тревога на лицах наших людей стала появляться всё чаще.

Даже наш «стратег» – военный атташе товарищ Тупиков, озадачено стоял и смотрел на свою карту, на которой он вынужден был синими флажками отметить предполагаемое расположение передовых частей вермахта согласно последним сообщениям «Совинформбюро».

Вступление Венгрии в войну удивления не вызвало, а подтвердило то, что говорило БиБиСи и местные брехуны-гебельсыята, – как их все стали здесь называть.

Снова слово взял парторг и стал умело и с примерами из сводки восхвалять нашего советского воина-защитника и грозить карами небесными Гитлеру и его подручным... как только Красная Армия мощным ударом из глубины нашей территории и стремительным напором не отбросит фашистов аж до Ла-Манша... освободив попутно все народы Европы, а товарищ Сталин поведёт потом всех их вместе с нами в прекрасное колхозно-советское будущее!

На этой бравурной ноте я удалился спать ...

Тем более, что карман мне «жгли» бумаги, что я вытащил из урны в кабинете Лейббрандта.

Брать что-то со стола, пока тот отлучался и оставлял меня там одного, я не стал, чтобы не наводить лишних подозрений. А вот выброшенных пару листиков вряд ли хватятся.

И вот сейчас ... оставшись один в своём закутке... я их прочёл.

Первым документом была «Директива по поведению немецких войск на территории СССР».

Она требовала срочно довести до личного состава через командиров подразделений её содержание.

I. Основные правила поведения войск в России.

1) Большевизм – это смертельный враг национал-социалистского германского народа.

2) Борьба против большевистских подстрекателей партизан, саботажников, евреев требует бескомпромиссных и энергичных мер, предполагает полное устранение любого активного или пассивного сопротивления.

3) По отношению ко всем военнослужащим Красной Армии, а также военнопленным следует проявлять внешнюю сдержанность и крайнюю настороженность, поскольку от них можно ожидать самых коварных приемов борьбы. Следует иметь в виду, что военнослужащие Крас-

ной Армии, особенно

азиатских национальностей, непредсказуемы, коварны и бесчувственны.

4) При взятии в плен воинских подразделений необходимо сразу же изолировать командиров от подчиненных.

5) Немецкий солдат в СССР будет иметь дело с неоднородным населением.

Советский Союз – это государственное образование, которое объединяет множество славянских, кавказских и азиатских народов, удерживаемых вместе большевистскими властями. Значительно представлено в СССР еврейское население.

6) Большая часть русского народа, особенно обнищавшее благодаря большевистской системе сельское население, внутренне отрицательно относится к большевизму. В русском человеке, который не поддерживает большевизм, национальное сознание сильно связано с глубокими религиозными чувствами.

Радость и благодарность за освобождение от большевизма часто находят свое выражение в религиозной форме. Не следует запрещать или мешать проведению богослужений и церковных процессий.

7) Тем не менее в разговорах с населением и в отношениях с женщинами

следует проявлять особую осторожность. Многие русские понимают по-немецки, хотя и не говорят на немецком языке.

Разведка врага будет особенно активна в занятых районах, чтобы получить информацию о важных военных объектах и передвижениях войск. Проявления

легкомыслия, чванства, доверчивости могут иметь серьезные последствия.

8) Особую осторожность необходимо проявлять при употреблении захваченных продуктов питания. Пить только кипяченую воду (существует опасность заражения тифом, холерой). Любой контакт с населением может представлять собой опасность для здоровья. Забота о здоровье является обязанностью солдата.

9) На занятых территориях в качестве платежного средства следует принимать

следующие монеты и купюры: оккупационные рейхсмарки и монеты, а также разменные монеты достоинством 1 и 2 пфеннига, а также рейхспфенниги номиналом 1,2, 5 и 10.

Второй документ был скорее всего проектом служебной записки, в которой говорилось: «Сегодня мы не ведем «крестовый поход» против большевизма лишь для того, чтобы навсегда освободить «бедных русских» от этого большевизма. Нет! А для того, чтобы проводить немецкую политику и обеспечить безопасность Германского рейха... Война с целью создать неделимую Россию поэтому исключается. Замена Сталина новым царем или даже назначение вождя–националиста как раз и приведет к мобилизации всей энергии населения на этих территориях против нас. Место этой, хотя и

привычной до сего дня, концепции единой России, занимает совершенно иной взгляд на восточные вопросы. Прокорм немецкого народа вне сомнения стоит во главе угла, если речь идет о немецких требованиях на Востоке. И здесь южные районы и Северный Кавказ найдут резервы для прокорма немецкого народа. Но мы не видим нашего долга в том, чтобы из этих районов с переизбытком сельскохозяйственной продукции кормить также и русский народ. Мы знаем, что это жесткая необходимость, заставляющая забыть о любых чувствах. Без сомнения, окажется необходимой огромная эвакуация, и русский народ ожидают тяжелые годы. В какой степени там будут сохраняться промышленные объекты (вагоностроительные заводы и пр.), будет решено позже».

– Да, вот так... не больше и ни меньше – «русский народ ожидают тяжелые годы», – задумался я над прочитанным. – Явно писалось для Гитлера..., – подумалось мне.

На следующий день я снова угощал Хейнемана завтраком.

Он сообщил мне последние новости с фронта, циркулировавшие в имперской канцелярии и резко отличавшиеся от победных реляций, публиковавшихся немецкими газетами.

В действительности положение на советско-германском фронте складывалось совсем не так, как это изображала гитлеровская пропаганда.

Советские части и отдельные подразделения и бойцы оказывали ожесточенное сопротивление, даже будучи в полном окружении.

Многие укрепленные районы, в том числе Брестская крепость, продолжали стойко держаться. Германские войска несли огромные потери.

Всё это, по словам Хейнемана, вызывает серьезную озабоченность в кругах имперской канцелярии.

Затем разговор зашёл о нашей вчерашней вылазке в город.

Хейнеман шутя спросил, – не хочу ли я ещё раз повидать свою приятельницу? Это нам и было нужно.

– Конечно, хотел бы, – ответил я ему. – Но мне неловко снова утруждать вас..., – тотчас добавив смущённо.

Хейнеман заметил на это, что хотя это и связано с некоторым риском, но ещё раз, пожалуй, можно повторить.

– Завтра воскресенье, – уточнил я, – и министерство иностранных дел закрыто, туда не вызовут, и весь день в нашем распоряжении. Давайте выедем часов в 10 и к обеду вернемся, – предложил я. Эсэсовец согласился...

На следующее утро к назначенному часу «опель» уже стоял у ворот во внутреннем дворе посольства.

Хейнеман пришел на десять минут раньше. Здороваясь с ним, я заметил, что у него на этот раз нет палаша.

На широком поясе, затянутом поверх кителя, была прикреплена кобура, из которой тускло поблескивала ручка «вальтера».

Мне стало не по себе. Снова возникли прежние сомнения. Надо полагать, Хейнеман и раньше имел при себе пистолет – возможно, он держал его в кармане брюк, но я его никогда

не видел. Теперь же он был на виду, его можно было достать легким движением руки. Это наводило на неприятные мысли.

Что если Хейнеман решил меня поймать, что называется, «на месте преступления»?

Что если он, едва мы выедем за ворота, вытащит свой «вальтер» и прикажет ехать в гестапо? Я бросил быстрый взгляд на сопровождавшего меня до выхода товарища Бережкова. Видимо, он думал о том же. Как быть? Отказаться от поездки?

Надо как-то прощупать Хейнемана, может быть, он себя выдаст?, – мелькнула мысль.

– Что-то вы сегодня без палаша, а он вам очень идет, – заметил я, выдавливая из себя улыбку.

Хейнеман ответил непринужденно:

– Видите ли, в прошлый раз я заметил, что палаш мне мешает в маленьком «опеле». Зная, что мы сегодня снова поедем на «опеле», я решил оставить палаш дома. По уставу, если нет палаша, надо иметь на поясе пистолет...

Это меня несколько успокоило. Бережков остался в полпредстве, а мы вышли во двор и сели машину.

Выехав за ворота, мы направились к метро на Уланштрассе. Там тоже всегда былолюдно.

По дороге туда, проезжали мимо новой Рейхсканцелярии. На меня снова нахлынули воспоминания... Вспомнилось, как я был там в гостях у Гитлера в самый можно сказать ка-

нун этой новой мировой войны... перед самым захватом Чехословакии...

Глава 1

Январь 1939 год. Берлин

По приглашению Альберта Шпеера я прибыл в Берлин в середине января 1939 года.

Он как раз закончил в рекордные строки строить для Гитлера новую Рейхсканцелярию. И пригласил меня осмотреть своё творение до её официального открытия. Она должна была быть готова 19 января.

И вот сегодня, 17 января, мы с ним узнаём, что Гитлер прибыл из Мюнхена с тем же намерением.

Он приехал один... только с секретарём. Мы тепло с ним поздоровались и Альберт повёл нас на экскурсию.

Гитлер был в напряженном ожидании и, по-видимому, ожидал застать тут, как собственно и я, обычную при сдаче такого крупного строительного объекта картину: суета рабочих и начальства, полчище уборщиков мусора и мойщиков стекол, лихорадочная спешка при разборке лесов, пыль и куча щебня, развешивание картин и настил полов. Но я и Гитлер ошиблись.

Альберт довольный произведённым эффектом, пояснил нам, что с самого начала они оставили себе несколько резервных дней, уже не нужных для строительных или отделочных работ, и поэтому ровно за двое суток до сдачи всё было готово.

Обходя помещения, Гитлер мог бы сразу же сесть за свой письменный стол и приняться за дела государственной важности.

Здание произвело на нас сильное впечатление.

Гитлер расточал похвалы «гениальному архитектору» Альберту.

И что он это выражал открыто, обращаясь прямо к нему, было для него очень необычно.

А то, что Альберт умудрился всё закончить на двое суток раньше, снискало ему у фюрера тут же «славу великого организатора».

Особенно Гитлеру понравился протяженный путь, через анфиладу помещений, который будут проделывать дипломаты прежде, чем достигнут зала приемов.

Он отмёл сомнения Альберта относительно пола из мрамора, который ему очень не хотелось покрывать дорожкой.

На что Гитлер сказал: – Это то, что как раз и нужно. Пусть они, как и подобает дипломатам, движутся по скользкому полу, – и рассмеялся.

Зал приемов показался ему слишком маленьким, он тут же приказал перестроить его, увеличив площадь втрое.

А его рабочий кабинет, напротив, вызвал у него безоговорочное восхищение. Особенно порадовала Гитлера инкрустация на столешнице его письменного стола, изображавшая наполовину вытащенный из ножен меч:

– Вот это хорошо... Когда дипломаты, занявшие места

прямо против меня, увидят это, они научатся бояться, – сказал он зловеще.

С позолоченных панелей над каждой из четырех дверей кабинета на Гитлера смотрели четыре добродетели – Мудрость, Осмотрительность, Мужество и Справедливость.

На мой вопросительный взгляд, Альберт ответил, что и сам не очень ясно осознавал, откуда ему пришла в голову эта идея.

Две скульптурные работы некоего Арно Брекера в Круглом зале перед порталом, открывавшим проход к Большой галерее, изображали «дерзającego» и «обдумывающего».

Это весьма патетическое наставление Гитлеру от моего друга Альберта: – всякое дерзание предполагает ум – как и аллегорический совет не забывать помимо мужества и другие добродетели.

На мой вкус, это лишь свидетельствовало о наивной переоценке Альбертом дидактической действенности на Гитлера произведений искусства, но в них, возможно, уже сквозила известная обеспокоенность тем, что уже завоеванное может оказаться под угрозой.

Огромный стол с массивной мраморной столешницей стоял у окна как-то без особого смысла.

Но что-то мне подсказывало, что очень скоро вокруг него будут проводиться совещания о положении на фронтах... И по разостланным картам генштаба Гитлер будет следить за продвижением вермахта.

Это был наземный командный пункт Гитлера. Другой находился тут же, но в 150 метрах ниже... под мощным многослойным бетонным покрытием.

Зал для заседаний кабинета министров, по соображениям акустики весь был облицован деревянными панелями, также Гитлеру вполне понравился... Гитлер несколько минут молча стоял у «своего» кресла, и взирал на папку из синей кожи, на которой золотыми буквами было вытеснено его имя... как и на прочих имена министров, что лежали на столе... на местах, где те должны будут сидеть во время совещаний.

Во время экскурсии, Альберт рассказал нам, что для выполнения заказа в сжатые сроки на стройке работали 4,5 тысячи рабочих в две смены.

К этому надо добавить ещё несколько тысяч по всей стране, занятых изготовлением отдельных деталей.

При этом Гитлер оживился и обратился к Альберту:

– Их всех ... этих камнерезов, столяров, каменщиков, сантехников и прочих, я приказываю пригласить сюда, чтобы они увидели законченное здание и свою работу... Они будут тут бродить, дивясь и восхищаясь, по сверкающим залам...

– Да, мой фюрер, – согласился Альберт.

А Гитлер продолжил, войдя в некий раж:

– Я обращусь к ним как представитель всего немецкого народа! Ведь если я кого-то принимаю в Имперской канцелярии, то его принимает не частное лицо Адольф Гитлер, а фюрер германской нации – тем самым его принимаю не я, а

в моем лице – вся Германия. И поэтому я хочу, чтобы эти помещения были бы достойны своей миссии. Каждый из вас, скажу я им, в отдельности внёс свой вклад в сооружение, которое простоит века и расскажет потомкам о нашем времени. Это первое архитектурное олицетворение нового великого германского Рейха!, – воскликнул Гитлер.

Первым крикнул «хайль» его адъютант. Затем и мне с Альбертом пришлось проделать тоже и вскинуть к тому же руку в нацистском приветствии.

Гитлер был доволен произведённым на нас впечатлением.

На моего друга посыпались почести сразу же. Гитлер пригласил Альберта и меня за одно на обед, который он устраивал на своей квартире.

Перед трапезой он наградил Шпеера «золотым партийным значком», чем привёл того в ступор.

Во время обеда, на котором здесь за столом были конечно не только мы, Гитлер восторгался своей новой Имперской канцелярией: «Это самое чудесное в строительном деле: уж коли сработано, то остается памятник. Это сохраняется, это совсем другое дело, чем, к примеру, пара сапог, над которыми, конечно, тоже нужно потрудиться, но ведь их сносят за год-два и выбросят. А построенное останется и через века будет свидетельствовать о всех тех, кто его создавал».

Все ему поддакивали и подобострастно кивали...

После застолья он преподнёс Альберту акварель времён своей юности, произнеся при этом несколько робких слов.

Нарисованная им в очень для него тяжкое время, в 1909 году, она изображала готическую церковь, что должно было стоить ему тогда исключительно точной, педантичной и терпеливой работы.

Альберт совершенно был сбит с толку... Сдержанно поблагодарил и ...похвалил работу. А Гитлер его похлопал по плечу, приняв его скованность, как полный восторг от такого дара.

Позже Альберт мне сказал, что «в этой мазне не чувствовалось ни малейшего индивидуального начала, ни один штрих не был проведен вдохновенно».

Покинув квартиру Гитлера, мы отправились с Альбертом в наш с ним любимый кабачок и за кружкой пива он мне рассказал забавную историю.

В старой Имперской канцелярии уже несколько десятилетий стоял мраморный бюст Бисмарка работы некоего Ренгольда Бегаса.

И вот... за несколько дней до освящения нового здания, рабочие при перевозке бюста уронили его, и у него отвалилась голова.

– Мне, Серж, показалось это недобрый предзнаменованием, – сказал мне с тревогой мой друг и пояснил:

– Как то Гитлер рассказал мне историю о том, что точно в день начала Первой мировой войны со здания берлинского главного почтамта сорвался имперский орёл.

Я удивлённо покачал головой, а Альберт добавил:

– Поэтому Серж, я замаял это неприятное происшествие и с помощью другого известного скульптора изготовил точную копию, которую мы слегка потонировали чаем для придания старинности.

Затем мы с Альбертом окунулись в воспоминания и расстались за полночь.

Я отправился в наше полпредство...

На следующий день я познакомился с нашим полпредом в Германии -товарищем Мерекаловым.

Несмотря на небольшой стаж своей дипломатической работы, он показался мне глубоким и знающим.

Так на мою просьбу высказать своё мнение о ситуации в Германии, он сказал:

– Товарищ Козырев, за последнее время сильнее, чем прежде, выпятились на первый план внутренние политические моменты жизни Германии. Нечто подобное наблюдалось и в прошлом году, когда примерно в это же время Гитлер решил приступить к активным внешнеполитическим мероприятиям.

– Вы, товарищ Мерекалов, имеете ввиду захват Австрии, а затем Судеты?, – уточнил я.

Он кивнул и продолжил:

– Совершенно верно, товарищ Козырев. Гитлер и сейчас, как и тогда, занялся сперва разрешением внутренних реорганизационных проблем. В этот раз зимнюю паузу он использует для выработки основных линий внутренней и экономи-

ческой политики на предстоящий период, производя одновременно соответствующие перестановки внутри кабинета.

– Сейчас всё более подтверждается, что антиеврейские мероприятия, отрицательный политический эффект которых чувствуется даже в самой Германии, не говоря уже о загранице, диктовались в первую очередь экономическими мотивами.

Я удивлённо на него посмотрел, а он пояснил:

– Германскому правительству, товарищ Козырев, дозрелу нужны деньги не только для «нормальных» задач, но и для проведения их 4-летнего плана, всё более разбухающего в связи с намечаемым охватом им стран Юго-Восточной Европы, нужны деньги на освоение Австрии и Судет, постройку укреплений на западной границе, на осуществление маниакальных планов реконструкции городов, постройки новых зданий и прочего. Всё это, товарищ Козырев, согласитесь, требует грандиозных затрат, ибо всё строится на широкую ногу.

Я согласно кивнул и рассказал ему, что был первым, можно сказать иностранным гостем, в новой Рейхсканцелярии.

– Мне там сообщили, товарищ Мерекалов, что, например, стоимость одной двери... а их там около 1000... в новом дворце Гитлера, составила около 800 марок.

Тот присвистнул и продолжил:

– Ясно одно, товарищ Козырев, что нормальным путём изыскать эти средства невозможно. Кредитные комбинации

за границей в основном исчерпаны.

– Инфляция для режима неприемлема, повысить налоги, что предлагал министр финансов Шверин-Кроссиг, фюрер не хочет, не без основания считая, что налоги доведены до пределов возможного и дальнейшее их повышение вызовет открытое негодование масс.

– Такие мероприятия, как фактическое удлинение рабочего дня, уплотнение рабочего времени, привлечение на работу женщин, введение женской трудовой повинности и прочее, кое-какие результаты дадут, но решающего значения не окажут.

– А как же система «добровольных» мероприятий, внутренние займы, «зимняя помощь» и тому подобное?, – спросил я.

Мерекалов, махнув рукой, сказал:

– Они, товарищ Козырев, уже настолько вошли в обиход, что особо значительных дополнительных поступлений от неё не ждут.

– Ну, а внешняя торговля?, – не успокаивался я.

– Что касается внешней торговли, как источника дополнительных доходов, то, судя по последней статье Функа – Министр экономики Германии, возможности в этой области также сильно ограничились в связи с ухудшением политических отношений Германии с САСШ, от чего зависит торговля Германии на обоих американских континентах, – ответил мне Мерекалов.

– Функ, товарищ Козырев, утешает читателей надеждами компенсировать этот ущерб развитием торговли на Балканах и в Турции, и между строк можно понять, что он имеет в виду и СССР, но этого, очевидно, недостаточно. В этой обстановке приходится думать об экстраординарных мероприятиях и каких-то радикальных шагах.

– Экспроприация еврейского населения была первой из них, – констатировал я.

Мерекалов согласно кивнул и добавил:

– Помимо миллиардной контрибуции, товарищ Козырев, она дала правительству значительные суммы от «приобретения» – по существу захвата – еврейских предприятий, от получения барышей при их продаже частным лицам – арийцам, через принудительное посредничество государственных органов, получивших от этого большой доход.

– Как выясняется теперь, товарищ Козырев, этот экстраординарный источник дохода также оказывается недостаточным для возмещения бешеных текущих расходов, и мысль правительства работает в направлении изыскания других аналогичных источников.

– Говорят о возможности секуляризации церковных имуществ, об изъятии собственности видных католиков – по «еврейскому» образцу и даже об экспроприации земельной «знати» и частичной конфискации денежных капиталов путем конверсии внутренних займов и тому подобное.

– Вы так думаете?, – спросил я с удивлением.

Мерекалов пожал плечами:

– До каких пределов дойдут эти предположения, товарищ Козырев, и в какой степени они осуществляются, сказать пока трудно. Однако тот факт, что Герингу, как ответственного за выполнение четырёхлетки, приходится на столбцах своего печатного органа доказывать, что его программа «не имеет ничего общего с большевизмом», показывает, по какой линии и с какой стороны идет критика правительственных мероприятий.

– Отставка Шахта подтверждает, что умеренные тенденции и попытки найти выход на более или менее нормальных экономических путях правительством отклоняются и намечаются более радикальные методы.

– Говорят, в частности, что Шахт высказывался за большую гибкость в разрешении еврейской проблемы, предлагая разрешать уезжающим евреям частичный перевод за границу. Мотивировал он это соображениями внешнеполитического свойства, каковые были отвергнуты, результатом чего явилась отставка.

Я покачал головой, так как знал Шахта...

А Мерекалов продолжил:

– Неясно ещё, товарищ Козырев, сколь далеко пойдут остальные изменения в кабинете. Пока что циркулировавшие на этот счет слухи категорически опровергнуты Дитрихом – пресс-секретарём фюрера, специально вызывавшим для этого инкорпов в Министерство пропаганды.

– В частности, опровергаются и слухи о ликвидации этого министерства и отставке Геббельса, разговоры о «закате» которого, однако, продолжаются. Появление серии анекдотов против Геббельса, пренебрежительный тон, усвоенный по отношению к нему, даже в среде нижней партийной прослойки, не подлежит сомнению.

Услышав это, я внутренне улыбнулся, так как был к этому причастен, а в слух сказал:

– Важно, однако, товарищ Мерекалов, не столько то, какие персональные изменения будут проведены в здешнем руководстве в ближайшее время, сколько то, какие изменения внутри экономического курса будут произведены и до каких пределов они дойдут... и как это отразится на отношении к СССР.

Мерекалов на это кивнул, согласившись...

19 января 1939 года состоялось торжественное открытие «предназначенного на века» здания – Имперской канцелярии.

И Гитлер принял в ней аккредитованных в Берлине дипломатов. Я тоже там был, так как он меня пригласил особо...

При подъезде к входу послам были отданы воинские почести, и обстановка обставлена довольно торжественно.

На приёме присутствовали весь дипкорпус, отдельные министры и военные.

Ровно в 12 часов Гитлер со своими приближенными вхо-

дит в зал, дуайен корпуса произносит приветственную речь, а Гитлер ему отвечает.

Речи обоих свелись к хвалебным гимнам мюнхенскому соглашению, что, мол, «человечество счастливо, что избежало войны», и так далее.

Выраженные в речи дуайена мирные пожелания Гитлеру последний в своём ответном слове перенаправил в адрес руководителей государств, представители которых присутствовали на приёме.

Обходя послов, Гитлер подошёл и ко мне, поздоровался, спросил о житье в Берлине. Затем он мне выдал бессрочный пропуск в Рейхсканцелярию и выразил надежду, что я задержусь в Берлине на пару недель, как год назад я был у него гостем в его Альпийской резиденции...

Так как это совпадало и с моим заданием «быть ближе к верхушке Рейха», то я с радостью согласился.

За ним ко мне подходили по очереди: Риббентроп, секретарь канцелярии Ламерс, генерал Кейтель и Майснер. Все мои хорошие знакомые. Каждый из них поддержал со мною протокольный 3-5-минутный разговор в знак внимания. С Риббентропом мы договорились обязательно ещё встретиться.

Внешне Гитлер держался со всеми очень любезно, не проявляя какой-либо неприязни или сухости.

За ними ко мне подошёл местный поверенный в делах САСШ – мистер Гильберт. Я с ним был знаком и даже вру-

чал ему рекомендательное письмо от Моррисона – генконсула САСШ в Вене.

Гильберт посетовал мне о продолжающейся натянутости в отношениях САСШ с немцами.

Он лично не может добиться приема ни у Вайцзеккера ни у Вермана, с которыми ему нужно поговорить по ряду практических вопросов.

Со ссылкой на «солидный немецкий источник» он рассказал мне содержание бесед польского министра иностранных дел Бека с Гитлером.

В основном это совпало с ранее мне сообщенными сведениями из моих источников. Но я внимательно его выслушал.

Помимо них был следующий штрих:

«Бек предупредил Гитлера, что в силу особенностей своего положения и ради интересов мира Польша намерена поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом. На это Гитлер ответил, что он это вполне понимает и ничего против этого не имеет».

Темой общих разговоров в дипкорпусе была, понятно, отставка Шахта – министра финансов, явившаяся новостью дня.

За американцем ко мне подошёл английский поверенный в делах Огильви-Форбс. Я у него спросил, где посол Хендерсон? Он ответил, что тот заболел.

Англичанина интересовал вопрос «длительной беседы» Гитлера со мною. По его подсчетам, эта беседа длилась 7 ми-

нут.

Я вынужден был ему напомнить всем известный факт, что причастен к назначению Гитлера рейхсканцлером.

Он с недоверием на меня посмотрел и перевёл разговор на другую тему.

Интересовался нашей оценкой «украинской» проблемы и положения в Испании. На что я его заверил в полном контроле ситуации, как в Советской Украине, так и в дружественной Испании.

И уже, со своей стороны, напомнил ему о слухах, циркулировавших в Берлине, согласно которым Германия намерена в ближайшее время предпринять какие-то меры против Англии с тем, чтобы окончательно отбить у последней охоту вмешиваться в европейские дела.

Англичанин же говорил о распространении немцами слухов о «слабости» СССР и возможности фашизации.

Когда английский поверенный в делах Огильви-Форбс отошёл от меня, его место тут же занял назначенный недавно в Берлин литовский посол – некий Шкирпа, как он мне представился.

Рассказал, что он работал здесь военным атташе и ставит теперь всю работу в миссии на военную ногу, командует, строит большие планы работы.

Но пожаловался мне, что до сих пор не может добиться аудиенции не только у Гитлера, но даже у Риббентропа. Это его сильно нервирует и отражается на состоянии всей мис-

сии.

На мой вопрос «о будущем Литвы», тот закатил глаза и сообщил, что в миссии царит полная неизвестность, так как окончательные намерения немцев остаются неизвестными, а всё зависит, в представлении литовцев, от них. Отношения с Польшей считаются также плохими. Не налаживаются даже личные отношения между дипломатическими чинами миссий в Берлине. Литовские дипсотрудники в Варшаве крайне недовольны своим положением там во всех отношениях.

Я пообещал ему помочь...

За обнадёженным мною представителем... в скором будущем... республики СССР, ко мне подошёл посол Венгрии – Юнгерт.

После взаимных представлений, он напыщенно сказал:

– Господин Козырев, я всё же считаю нужным разъяснить, что присоединение к пакту «оси» со стороны Венгрии носит характер только демонстрации дружбы к Германии и Италии и желания заслужить их доверие.

– Другой причиной является внутривластная, а именно – желание нынешнего правительства укрепить свое положение путем «отнятия ветра у парусов у другой партии, то есть фашистской. Отношения с СССР не играли тут никакой роли.

Я молча его слушал, а он продолжил:

– Пакт рассматривается нами направленным не против СССР, а исключительно против Коминтерна.

– Но даже в отношении Коминтерна присоединение к пакту ничего не меняет, так как Венгрия и до сих пор вела решительную борьбу с коммунистами и Коминтерном.

– Венгерское правительство берёт пакт таким, как он изложен на бумаге, ничего не зная о других выгодах, которые другие великие державы хотели бы извлечь из этого пакта.

Дослушав его, я ответил:

– Господин посол, меня, как представителя СССР, такие объяснения ни в какой мере не удовлетворяют, и не могут поэтому оказать влияния на нашу позицию.

А затем добавил, усмехнувшись:

– И уже как просто друг Германии, я вам скажу, что изображение официальным Будапештом пакта, как орудия против Коминтерна и вообще идеологической борьбы является сказкой для маленьких детей и вызывает лишь насмешки у сколько-нибудь серьезных людей. Венгерское правительство не могло не знать, как этот пакт трактуется не только Москвой, но и Парижем, Лондоном, Вашингтоном и другими столицами.

Тот стоял ошарашенно на меня смотря, а я добил его:

– Венгры снова подвели Германию...

И покачав головою отошёл от него, направившись к своему давнему знакомому – мистеру Дэвису, который совершал прощальный визит по Европе, так как его миссия посла САСШ в СССР завершилась.

Мы тепло поприветствовали друг, друга. Главной темой

нашего с ним разговора был СССР. О котором я расспрашивал Дэвиса, с целью узнать его мнение и что он будет говорить Рузвельту.

Дэвис объективно и пространно изложил мне свой взгляд на положение вещей в Советском Союзе.

Он сказал, что имел возможность довольно обстоятельно познакомиться с нашими достижениями в части промышленности, в которой он кое-что понимает, и что он очень высокого мнения о том, что у нас делается.

Он с большой похвалой отзывался о руководящих деятелях Советского государства, в частности и в особенности о товарищах Сталине, Молотове, Литвинове, Ворошилове и других.

Дэвис откровенно сказал мне, что считает неразумной и неправильной политику пренебрежения, которую Франция и Англия ведут в отношении СССР.

Он выразил убеждение, что если бы роль СССР как международного фактора была своевременно и правильно оценена британским и французским правительствами, то не пришлось бы предать в Мюнхене Чехословакию.

О Чемберлен Дэвис выразился весьма презрительно.

Я не скрыл того изумления, которое во мне вызвали объяснения и оценки Дэвиса.

– Мистер Дэвис, я привык слышать совсем другие вещи о Советском Союзе, – сказал я ему.

Дэвис ответил, что он прекрасно знает, что большинство

аккредитованных в

Москве дипломатов отзываюся об СССР иначе, чем он.

Это не повышает его мнения о ценности этих дипломатов.

Когда Дэвис пошёл общаться с Гитлером, ко мне подско-
чил пожилой вертлявый тип, оказавшийся албанским по-
сланником Фико.

Из его рассказа о себе, я узнал, что он бывший чиновник
оттоманской империи, был губернатором в Кайсери, старый
дипломат, работавший в Турции, ряде Балканских стран, у
себя в Албании, а теперь в Берлине.

Из нашей беседы выяснилось, что до сих пор торговля с
немцами была невыгодна для албанцев, так как немцы, ввозя
своих товаров более чем на 1 млн. золотых франков, почти
ничего в Албании не покупали.

Албанцы отказались от такой торговли с немцами и дого-
вариваются её вести на основе нетто-баланса. В Албании до
сих пор ещё сохранилось золотое обращение.

Албанцы сейчас заняты своими внутренними делами,
подъемом хозяйства и культурности населения.

Фико хорошо отзывался о болгарском царе Борисе, назвав
того умным и тонким политиком и царем, который не теряет
широких связей с населением.

Албанца отпугнул от меня граф Чиано – министр ино-
странных дел Италии.

У меня появились нехорошие предчувствия – скорая ок-
купация Албании войсками Муссолини.

Чиано излучал добродушие и предрасположенность.

После дежурных в таких случаях приветствий, он спросил, как дела в Испании?

Я ему ответил, что как нельзя лучше, чем до всей этой авантюры... И добавил, что прав был покойный Гинденбург, не одобрявший такого союзника, как Италия.

Чиано сделал вид, что не понял меня, сказав:

– Кстати, герр фон Козырёфф, советские танки немного тяжеловаты, но они очень хорошего качества.

– Хороши и ваши самолеты. Весьма высок уровень летчиков.

– Среди посылаемых вами было много молодых и малоопытных летчиков, однако я должен признать откровенно, что у вас прекрасный человеческий материал и что советские летчики проявляют исключительную храбрость.

Я согласно кивал, не перебивая, а он продолжал:

– Мне, герр фон Козырёфф, известен случай, когда уже после вынужденной посадки они отстреливались до последнего патрона.

– Другое дело французы. Их летчики получали крупное жалованье и воюют всегда преимущественно за деньги.

– Француз при известных условиях дает свою кровь, ещё легче отдает собственную жену, но никогда не отдаст своих денег.

– Всякий француз в Испании после нескольких месяцев заработка стремился вернуться в состояние полной безопас-

ности к накопленным деньгам.

Я по прежнему его не перебивал...

Далее Чиано постарался внушить мне, что Германия не прибегнет ни к какой украинской аванюре и что слухи о планах Гитлера в смысле нападения на советскую Украину раздуваются французами.

Чиано доказывал, что Германия нуждается в мире, по крайней мере, в течение 2-3 лет для переваривания Австрии и Судетов.

Чиано сказал, что план великой Украины встречает и внешнее сопротивление,

а именно: со стороны Венгрии, Польши и Румынии, не вызывая энтузиазма также и со стороны Италии.

Когда он выговорился, я сказал:

– Граф, а теперь об итало-советских отношениях... Я Вам уже говорил, и чего пока нельзя забывать, что Италия начиная с 1924 года, когда Муссолини поставил своей задачей сближение с Советским Союзом по экономической линии, – видит огромное количество выгод от сближения с Советским Союзом. – Здесь – выход в Черное море, здесь – выгоды, которых Италии не могут дать западные государства.

– Вот с этим моментом итало-советских отношений всегда нужно считаться... эти отношения могут быть и очень приличными и очень порядочными.

Чиано согласился и добавил:

– Напомню Вам, герр фон Козырёфф, что сыграла свою

роль и наша политика в отношении Франции, когда Муссолини от Франции отходил, наконец – испанские вопросы.

– Все эти моменты отдалили СССР и Италию друг от друга и вызвали не только прохладные отношения, но подчас отношения в высшей степени напряженные.

Я кивнул и уточнил:

– Сейчас на этом фронте имеется некоторое улучшение. Из Испании Вы ушли, а Франция ушла от нас к Вам...

Чиано согласился и продолжил:

– Вы знаете, герр фон Козырёфф, что мы после длительных переговоров, которые продолжались в течение 11 месяцев, готовимся подписать с СССР торговый договор, который ликвидирует не только экономические конфликты между нами, но и заложил будущие отношения на довольно широкой базе.

Я же добавил:

– Граф, не следует преувеличивать этот торговый договор в деле общего улучшения наших отношений. Вряд ли можно ожидать, что этот торговый договор будет магической палочкой, которая сделает все наши напряженные отношения отношениями сердечными, но вместе с тем не следует преуменьшать его значения, – закончил я на оптимистической ноте.

Чиано поспешил за Гитлером, а его место занял тип в старого образца рейхсверовском генеральском мундире и отрекомендовался – фон дер Гольц.

При этом на старопрусский манер боднул головой и щёлкнул каблуками своих сверкающих кайзеровских сапог.

Я же на новомодный образ махнул ему небрежно открытой ладонью вверх и сказал «хайль».

Типок стал расточать мне комплементы, и что он давно мечтал познакомиться с предводителем «русско-немецкого» берлинского дворянства.

Я спокойно воспринял его напоминание о моей опереточной должности и продолжал его внимательно слушать.

Он перешёл к самопрезентации и стал мне рассказывать, что был лично и близко знаком с покойным президентом Гинденбургом. И что тот... через ландсвер, возглавляемый тогда этим самым фон дер Гольцем и через белогвардейские банды Бермонта-Авалова, оперировавшие в Литве, Латвии и Эстонии, пытался оккупировать страны Прибалтики.

И что он сам, теперь активный фашистский деятель – лично осуществлял интервенцию в Финляндии в 1918 году, а в октябре 1919 года даже попытался присоединить страны Прибалтики к Германии. Где при помощи германских и русских белогвардейских частей, грабил и разорял эти страны, подвергая население их неслыханным издевательствам и произволу – как он теперь выразился «добровольной экспроприации». Я был наслышан об этом...

В этом фон дер Гольцу активно помогал бывший русский офицер, возглавлявший русские белогвардейские банды в Латвии – Бермонт-Авалов.

В октябре 1919 года, под предлогом борьбы с большевиками, он пытался захватить Ригу, с тем чтобы окончательно превратить Латвию и Эстонию в германские колонии.

Делая вид, что мне это всё очень интересно, я наблюдал за Гитлером и его свитой...

Он, обойдя послов и быстро поздоровавшись с посланниками и поверенными, раскланялся всем и удалился, а корпус стал разъезжаться по домам.

При выезде опять та же процедура...

А 30 января, по старой нацистской традиции, в день прихода Гитлера к власти, тот выступал в Рейхстаге.

Я тоже был на том заседании рейхстага. В германском парламенте присутствовало около 850 депутатов, были приглашены главы посольств и миссий. Все немецкие депутаты были одеты в форму черно- и коричнево-рубашечников.

В штатском были буквально единицы, таким образом заседание производило впечатление какого-то нацистского сборища.

В 8 часов вечера вошел Гитлер со своими приближенными, занял место в президиуме, и Геринг открыл заседание.

После утверждения предложения о составе президиума рейхстаг утвердил предложение о продлении чрезвычайных полномочий правительству на 5 лет, то есть до 1943 года.

Затем выступил с двух с половиной часовой речью Гитлер.

Речь его транслировалась по радио. Первая часть речи была посвящена обзору событий текущего года, созданию так

называемой Великогермании и шестой годовщине фашизма у власти.

Особо был отмечен в речи колониальный вопрос, здесь Гитлер в настойчивой форме подчеркнул, что Германия не может жить без колоний как источников сырья и рынков сбыта.

Касаясь отношений с различными странами, Гитлер сделал выпад лишь в отношении Америки.

Гитлер заявил, что Германия неизменно окажется на стороне Италии, если последней с какой бы то ни было стороны будет угрожать война.

Гитлер в своем выступлении не допускал никаких прямых выпадов против СССР.

Касаясь вопроса о вооружении, Гитлер провёл мысль, что Германия должна сделать всё, что в человеческих силах, чтобы укрепить свою военную мощь, так как, будучи в своё время разоруженной, Германия пережила эпоху унижительного с собой обращения.

В заключительной части своей речи Гитлер указал, что, мол, только еврейские элементы, проводя международную газетную травлю и пропаганду против германского фашизма, надеяться на войну. Он же Гитлер верит в длительный мир.

Из выступления Гитлера можно было сделать вывод, что, видимо, основной задачей фашизма в начавшемся 1939 году будет разрешение экономических трудностей внутри страны

и колониальной проблемы.

В ряде мест речь прерывалась аплодисментами депутатов. По окончании речи Гитлера выступил Геринг с теплым словом благодарности от имени рейхстага к фюреру, на этом заседание рейхстага было закрыто.

В этот же вечер перед резиденцией Гитлера на Вильгельм-штрассе состоялось факельное шествие черно- и коричнево-рубашечников, и только поздно ночью разошлись фашистские отряды по своим казармам и домам.

***

Москва, Кремль

Сталин сидел за своим рабочим столом и читал материалы, что передавал из Берлина Козырев.

Так по сведениям, поступающим из различных источников, стало известно, писал он, что в последнее время германская фашистская агентура в Прибалтике развертывает наиболее интенсивную работу по организации германских элементов – бывших крупных земельных собственников, помещиков – немецких баронов, бывших офицеров белогвардейских германских и русских частей, оперировавших в Прибалтике в 1919 году и «поселившихся» в указанных странах.

Основной целью этой работы является восстановление германских и русских белогвардейских элементов в правах земельной собственности и наделение ею офицеров – бывших участников «освобождения» Прибалтийских стран от большевистской опасности, числившихся в немецких и рус-

ских белогвардейских частях фон дер Гольца и Бермонта-Авалова.

В связи с этим, по-видимому, в Латвии была создана в г. Вендене, при участии 60 делегатов (15 из них прибыли из Берлина), конференция немцев – бывших крупных землевладельцев, которая намечала организованное предъявление претензий латвийскому правительству о восстановлении в правах собственности бывших немецких баронов.

Газета «Ригаше Рундшау», издаваемая в Латвии, вслед за этим начала кампанию, поддерживающую движение немцев – бывших собственников, у которых было безвозмездно отчуждено в Латвии 2,5 млн. гектаров земельных угодий.

В Эстонии, германская фашистская агентура организовала в 1938 г. тайный конгресс зарубежных немцев, в том числе бывших земельных собственников, в результате чего намечены мероприятия к тому, чтобы добиться в Эстонии для немецкого меньшинства национального самоуправления.

В Литве, в частности в Клайпеде, помимо уже известных событий, такая же работа, инспирируемая той же фашистской агентурой, проводится в несколько иной форме.

Там организовано общество бывших офицеров белогвардейских немецких и русских войск фон дер Гольца и Бермонта-Авалова – агентов германского империализма, добивавшихся присоединения Прибалтики к Германии в 1919 г.

Филиалы этого общества фашистская агентура намерена открыть во всех странах Прибалтики (Литве, Латвии и Эсто-

нии), указывая, что это общество должно быть рассматриваемо как общество, преследующее исключительно «культурные» цели.

Так в основном разворачивается работа германской фашистской агентуры в Прибалтийских странах и подготавливается превращение этих стран не только в плацдарм и экономическую базу германского фашизма в войне против СССР, но и в колонии фашистской Германии, что в своё время пытался осуществить и Гинденбург при помощи фон дер Гольца и Бермонта-Авалова.

В связи с этим, писал Козырев, рекомендую Вам поручить нашим дипломатам, при встречах с членами правительства и общественно-политическими деятелями в весьма гибкой и тактичной форме обращать их внимание на возрождение идей, поставленных в свое время германским империализмом, о присоединении стран Прибалтики к Германии.

Наряду с этим следует активнее отмечать и ту роль, которую сыграл Советский Союз в укреплении независимости Прибалтийских стран – Латвии, Литвы и Эстонии, первый предложивший им заключение мира и способствовавший экономическому восстановлению и укреплению политической независимости этих государств.

Сталин был внутренне согласен с выводами Козырева и его оценкой ситуации в Прибалтике.

Тут Генсеку вспомнился давний с ним разговор, в котором Козырев пророчески предсказал захват Гитлером Ав-

стрии, а затем и Чехословакии с Польшей. А в конце, как бы между прочим, спросил: «Прибалтику Гитлеру не отдадим?»

И вот сейчас всё это сбывалось на глазах...

– Нашу Прибалтику мы ему не дадим, – решил Сталин.

Тут его мысли прервал звонок секретаря, который сообщил, что прибыл Литвинов.

– Пусть заходит, – разрешил Сталин.

Дверь быстро отворилась и в неё вкатился наркоминдел.

Сталин встал из-за стола, подошёл тому на встречу, поздоровался за руку и предложил сесть.

Когда Литвинов сел за стол для заседаний, то тут же без бумажки стал излагать суть дела.

– Товарищ Сталин, осуществление принятого решения о закрытии нашего полпредства в Венгрии мною откладывалось до формального присоединения Венгрии к антикоминтерновскому пакту, – сказал он.

Сталин тем временем стоял у своего рабочего места и набивал трубку, а Литвинов продолжал:

– Оформление этого присоединения, как нам известно, затягивается по техническим причинам – идут ещё переговоры о форме присоединения и об языке протокола...

Сталин отвлёкся и сказал:

– Товарищ Литвинов, нам важно, однако, поскорее предостеречь другие государства, на которые оказывается давление Германией, Италией и Японией с целью вовлечения их в антикоминтерновский пакт.

Литвинов согласно кивнул и продолжил мысль:

– Поскольку, товарищ Сталин, о решении венгерского правительства объявлено публично и официально и его не отрицал в разговорах с Козыревым в Берлине и венгерский посланник, я считал бы возможным уже теперь сделать соответственное заявление венгерскому правительству.

Сталин закончил с трубкой и сделал первую затяжку, выпустив с удовольствием дым, он сказал:

– Товарищ Литвинов, необходимо, однако, разъяснить общественному мнению мотивы нашего решения. Естественно, будет возникать вопрос, почему мы продолжаем поддерживать полностью отношения с крупными участниками и инициаторами пакта и реагируем лишь на присоединение к нему более слабого государства?

Литвинов согласно закивал и добавил:

– Товарищ Сталин, мне представляется наиболее целесообразным объяснить наше решение несамостоятельностью Венгрии. В этом смысле и составлен мною проект сообщения ТАССа, который я принёс Вам на утверждение.

После этого наркоминдел достал из папки лист с машинописным текстом и протянул Вождю.

Сталин взял его и пошёл к своему столу. Сев, он внимательно прочитал документ, сделал несколько правок и отдал текст заявления подбежавшему Литвинову.

На следующий день он был опубликован:

«ТАСС осведомлен, что венгерскому посланнику в

Москве господину Арноти сообщено вчера народным комиссаром иностранных дел товарищем Литвиновым о решении Советского правительства ликвидировать своё полпредство в Будапеште и об ожидаемом закрытии венгерской миссии в Москве.

Как ТАСС узнал в авторитетных кругах, означенное решение Советского правительства находится в связи с тем, что в результате мюнхенского соглашения Венгрия стала за последнее время подвергаться сильному нажиму со стороны некоторых государств. Политика венгерского правительства свидетельствует о том, что оно легко поддается этому нажиму, в значительной степени утратив свою самостоятельность. В частности, указывают, что решение венгерского правительства о присоединении к так называемому антикоминтерновскому пакту не может оправдываться интересами самого венгерского государства, отнюдь не совпадающими с теми агрессивными целями, которые преследуются под прикрытием этого пакта его участниками, и в первую очередь Японией, и что решение, следовательно, навязано венгерскому правительству извне. Такое положение Венгрии не оправдывает больше сохранения с нею Советским правительством дипломатических отношений через специальные представительства в столицах обоих государств, и эти отношения могут впредь поддерживаться через посредство представителей обоих государств в столице какого-либо третьего государства».

Глава 2

Глава 2.

Я пока оставался в Берлине... и отмечал для себя, что в нацистской Германии множество вещей могло поразить приезжавших иностранцев.

Улицы были чистыми, транспорт прекрасно организован, поезда ходили по расписанию, нигде не было безработных или нищих.

Высокий уровень поддерживался в театрах, на концертах и на выставках, хотя они и страдали от ограничений, налагаемых Геббельсом и Розенбергом – как главными идеологами нацизма.

Продовольствие распределялось в достаточных количествах и было в изобилии.

И только при пристальном взгляде становилось ясно, насколько обманчиво первое впечатление.

За внешне приглаженным фасадом скрывалась деятельность гестапо, любое столкновение с которым было опасным.

Что касается меня самого, то я предпринял все необходимые предосторожности, убедившись в том, что в случае неожиданного обыска ничего компрометирующего найдено не будет.

Насколько все были уже наслышаны, методика допросов в застенках гестапо отличалась особой жестокостью, подозре-

ваемые могли после них просто исчезнуть.

На тайных информаторов больше не смотрели свысока, их награждали, таким образом поощряя доносительство.

Всё меньше и меньше люди верили в правосудие. Им было известно о существовании концентрационных лагерей, но никто не знали точно, кто в них находится.

Немцы даже не подозревали о том, как человеческая жизнь может подвергаться систематическому унижению и что совершались такие зверства, о которых станет известно только после свержения нацизма.

Никто тут даже не мог представить, что гестапо оказалось способным на такие вещи.

Людей держали в неведении по поводу того, что происходило до и после так называемых судов. Правда, все могли видеть, как вывозили евреев и полукровок, обращаясь с ними весьма сурово. Не могли остаться незамеченными и вероломные игры нацистов, затеянные с протестантскими церквями, те жесткие меры, которые применялись по отношению к католической церкви и её собственности.

После перехода в новое здание Канцелярии Гитлер устроил в нём ряд больших приемов для разных категорий – промышленников, военных, артистов и прочих.

Первый прием после дипломатического был устроен для промышленников, вокруг пригласительных билетов создавался сильный ажиотаж, все стремились попасть на прием и уви-

деть «восьмое чудо Света», – как геббельсята окрестили новую Рейхсканцелярию.

Гитлер разослал приглашения 89 руководителям крупнейших предприятий – с женами.

К концу обеда он лично стал обходить гостей с кружкой «зимней помощи». Собрано было около 2 млн. марок.

Руководитель И. Г. Фарбениндустри говорил мне впоследствии, что ни один обед не обошелся ему так дорого – он был вынужден пожертвовать 100 тыс. марок.

После этого азарт к получению приглашений на дальнейшие приемы упал. Когда пригласили артистов, то многие в том числе и моя подруга Ольга Чехова, предпочли лечь в постель из боязни, что и их обед закончится сбором.

Я тем временем стал регулярно посещать «логово Гитлера»... как его в уме называл. Часто встречая там своих давних приятелей...

Прежде всего Ангелину, – племянницу Гитлера, выполнявшую при дяде роль личной стенографистки.

Она была рада моей задержки в Берлине и ввиду её незамужности, мы весело проводили вечера.

Один лишь я из её окружения в Канцелярии называл её сокращённо Гели. Другие все её страшно боялись, из-за этого бедняжка была без пары. Наш общий друг Вальтер Шелленберг, сказал ей, что жениться на ней, только в чине генерала.

Лени шутливо на это заметила, что Вальтер не уточнил

кто именно из них двоих должен быть генералом и в шутку грозилась упросить дядю повысить её сразу до маршала, намекая на такой скачок у Геринга. Я тоже в шутку, говорил, что для начала нужно стать хотя бы майором, как тот... до того.

Встречал в «логове Гитлера» я конечно и Альберта Шпера, чья мастерская – «святая-святых» была рядом, чтобы фюрер мог лично контролировать процесс проектирования «новой Германии».

Будни Рейхсканцелярии ни чем не отличались от виденного мною в Оберзальцберге.

К обеденным трапезам в Рейхсканцелярии имели свободный доступ человек сорок – пятьдесят.

Им нужно было только позвонить адъютанту и сказать, что придут.

В основном это были гауи рехсляйтеры, кое-кто из министров, конечно, все из узкого кружка, но не считая адъютантов вермахта – ни каких военных. Адъютант полковник Шмундт много раз настойчиво склонял Гитлера приглашать к обеду высших офицеров. Но Гитлер всегда отказывал в этом.

Возможно, он понимал, что его старым сподвижникам и сотрудникам не избежать высокомерных замечаний.

После обеденной трапезы он иногда спрашивал, кто из гостей ещё не осматривал Рейхсканцелярию, и всегда радовался, если он мог кому-нибудь ещё показать новостройку.

При этом он блистал своей памятью на цифры, ошеломляя посетителей.

Он обращался к Альберту: «Какова площадь этого зала? А высота?»

Мой друг смущенно пожимал плечами, а Гитлер называл размеры. Совершенно безошибочно.

У меня был свободный доступ в жильё Гитлера, и я этим широко пользовался. Дежурный полицейский у въезда в садик знал мою машину, не задавая никаких вопросов, распаховывал дверцу, я припарковывал автомобиль и входил в квартиру.

Она находилась справа от только что отстроенной Канцелярии и была связана с ней просторным переходом.

Дежурный эсэсовец из охраны запросто приветствовал меня, я отдавал ему свой портфель, и безо всякого сопровождения, как совершенно свой, направлялся в просторный холл.

Это помещение с гобеленами на белых стенах, с тёмно-красными мраморными полами, устланными мягкими коврами, с двумя группами клубных кресел и столов было очень удобным.

Обычно здесь можно было застать занятых оживленной беседой гостей, кто-то вёл телефонные разговоры.

Вообще это помещение притягивало к себе всех, не в последнюю очередь и потому, что только здесь разрешалось курить. Гитлер сам не курил и другим не разрешал.

Предписанное «Хайль Гитлер!» звучало здесь редко, гораздо чаще просто желали друг другу доброго дня.

И манера демонстрировать свою принадлежность к партии шевроном над обшлагом рукава также была не принята в этом кругу, вообще гостей в партийной форме было почти не видно.

Те, кто уже протиснулся в этот круг, имел привилегию на определенную непринужденность.

Через квадратную переднюю, которой из-за неудобной мебели почти не пользовались, путь вёл в собственно гостиную, в которой гости, по большей части стоя, разбившись на группки, вели свои разговоры.

Эта стометровой площади комната, единственная во всей квартире могущая претендовать на какой-то уют, осталась нетронутой.

Её бисмарковское прошлое подчёркивали балочные перекрытия из дерева, до половины покрытые деревянными панелями стены, камин, украшенный гербом эпохи флорентинского Ренессанса, привезенным из Италии.

На нижнем этаже здесь был единственный камин.

Перед камином были расставлены обитые темной кожей кресла, а позади софы стоял большой мраморный стол, на котором всегда были разложены газеты. Стены украшали gobelens и две картины. Их получили в длительное пользование для жилья канцлера из Национальной галереи.

Момент своего появления Гитлер определял с небрежно-

стью суверена.

Обед обычно назначался часа на два, но чаще он начинался в три, а то и позже, в зависимости от прихода Гитлера – часто из своих частных помещений или прямо после какого-то совещания в Канцелярии.

Он появлялся без каких-либо формальностей, как простое частное лицо, пожимал руки окружавшим его гостям, высказывал какие-то замечания на злобу дня.

У некоторых, особо уважаемых, осведомлялся о здоровье «госпожи супруги», получал от шефа пресс-службы подборку новостей, садился несколько всторонку в одно из кресел и погружался в чтение.

Иногда он передавал какой-нибудь листок кому-нибудь из присутствующих, если информация казалась ему заслуживающей внимания и делал вскользь какие-то замечания.

Так продолжалось еще минут 15-20, пока не раздвигались портьеры одной из стеклянных дверей, ведущей в столовую.

Домоправитель, невольно вызывавший симпатию своей дородностью, просто – что соответствовало всей обстановке – сообщал Гитлеру, что обед готов. «Фюрер» направлялся в столовую первым, за ним, без какого-либо строго установленного порядка, тянулись гости.

Из всех помещений резиденции рейхсканцлера эта просторная квадратная комната метров 12 на 12 была пожалуй самой в своем оформлении продуманной.

Одна стена имела три стеклянные двери, ведущие в сад. У

противоположной стены стоял большой буфет, отделанный полисандровым деревом, а над ним картина.

Две остальные стены прерывались закругленными нишами, в которых на цоколях из светлого мрамора располагались обнаженные скульптуры.

По обе стороны от них были еще стеклянные двери, через которые можно было пройти в сервировочную комнату, в большой холл и в гостиную перед столовой.

Светлые стены из мрамора и такие же легкие кремовые занавеси создавали ощущение пронизанного светом простора.

Мебель была простой и спокойной. В центре стоял большой круглый стол на полтора десятка персон, окруженный скромными темного дерева стульями, обтянутыми темно-красной кожей. Все они были одинаковыми, и даже стул Гитлера ничем не выделялся.

По углам стояли еще четыре стола поменьше с четырьмя-шестью такими же стульями.

Сервировка стола состояла из скромного белого фарфора, простых стеклянных бокалов.

В центре стола находилась большая плоская чаша с цветами.

Это был «ресторан у веселого канцлера», как его частенько представлял гостям Гитлер.

Его место было со стороны окон. Еще по пути в столовую Гитлер выделял двоих, которым отводилось место справа и слева от него.

Остальные же рассаживались, как получалось. Если же гостей оказывалось больше, то адъютанты и менее важные личности, я в том числе, занимали места за малыми столами – что я рассматривал, собственно, как преимущество, поскольку там можно было легче вести непринужденные беседы... всех внимательно слушать и за всем наблюдать.

Еда была подчеркнута простой. Суп, легкая закуска, мясо с небольшим овощным и картофельным гарниром и десерт.

Выбор напитков исчерпывался минеральной водой, обыкновенным бутылочным берлинским пивом или недорогим вином.

Самому Гитлеру подавали вегетарианскую еду, выпивал он и бокал «фахингера», и у кого была охота мог составить ему в этом компанию.

Но таких находилось немного. Это было его обычной данью простоте, не без расчёта, что об этом будет рассказано и за пределами этих стен.

Когда как-то рыбаки подарили ему гигантского омара и к всеобщему удовольствию этот деликатес был подан на стол.

Гитлер разразился неодобрительными замечаниями о заблуждениях людей, способных питаться столь неэстетическими чудовищами, и тут же хотел было пресечь такое пиршество.

Однажды встретил Геринга. Удивился, что он редко принимал участие в застольях. То услышал от него: «Если честно, то еда, которую там подают, мне не по вкусу. И еще эти

партмещане из Мюнхена – невыносимо!»

Иногда к обеду появлялся и Гесс. За ним следовал его адъютант со специальным судком из нескольких отделений, в котором была принесенная с собой еда, которую оставалось только разогреть на кухне.

Гитлер не замечал, что Гессу подают собственную вегетарианскую пищу.

Когда же ему об этом сказали, то он с раздражением обратился к Гессу в присутствии всего общества: «У меня работает первоклассная повар-диетолог. Если врачом Вам предписано что-то особенное, то она будет это охотно готовить и для Вас. Но приходить сюда со своей едой Вы не должны». Гесс, склонный к упрямому, попробовал объяснить Гитлеру, что состав его рациона должен включать некоторые особые компоненты биологически-активного происхождения, на что ему напрямик было заявлено, что в таком случае ему следует питаться дома. После этого Гесс к обедам почти совсем не появлялся.

В Германии в рамках развернутой по инициативе партии программы «пушки вместо масла», во всех домах стали по воскресеньям готовить «айнтопф», обед из одного блюда – густого супа с куском мяса, то и в столовой Гитлера на стол не ставилось ничего, кроме супницы.

По таким дням число гостей сокращалось, часто до двух-трёх человек, что давало Гитлеру повод к саркастическим высказываниям относительно готовности к жертвам его бли-

жайших сотрудников.

Помимо всего прочего на стол ещё выкладывался и поднос для добровольных пожертвований. Мне каждый «айн-топф» обходился в 50-100 марок. Но это малая плата, за право быть в самом эпицентре гитлеровской клики.

Самым значительным гостей обеденного общества был Геббельс.

Борман, естественно, не пропускал ни одной трапезы.

Он, как и я в данный момент, принадлежал к «свите малого двора» и потому и не воспринимался как гость.

Со мною, как с равным, заговаривали разные чины.

Их интересовали разные вопросы. Спрашивали меня не наблюдаем ли мы какой-либо перемены в области польско-советских отношений после свидания Бека с Гитлером в Берхтесгадене?

Я отвечал всем, что поляки нас официально информировали о тезисе, выдвинутом Бекком в беседе с Гитлером: «Дружественные отношения Польши с Германией вполне совместимы с желанием Польши жить в добром соседстве с СССР».

– Насколько мне известно, и канцлер Гитлер не возражал против этого тезиса, – добавлял я.

В кулуарах Рейхсканцелярии мне говорили, что Гитлер признал украинскую проблему менее актуальной, чем вопрос о колониях и другие, касающиеся Западной Европы. Что касается самой Польши, то она, естественно, менее все-

го заинтересована в активизации украинской проблемы.

Естественно, что много касалось разговоров к вопросу о торговых переговорах СССР с Германией. Я подтверждал, что в Москве ожидается делегация из Берлина, которая, как там ожидают, должна сделать некоторые предложения касательно оживления германо-советской торговли. Не исключено, что, как и раньше, Германия предложит нам некоторые кредиты.

Со своей стороны, – рассуждал я, она, очевидно, заинтересована в получении от нас необходимого ей сырья и, быть может, продовольствия.

Из разных бесед, мне стало очевидным, что германо-польские переговоры, особенно между польским министром иностранных дел Бекком и Риббентропом, в январе зашли в тупик. – Да и как могли сработаться два таких разных и тщеславных человека, как Бек и Риббентроп?, – удивлялся я.

Очевидно, период псевдодружбы между двумя этими странами подходил к концу. Тем более, что недавно в германское посольство в Варшаве уже бросали камни.

Разговаривал я с неким Шнурре – который является доверенным лицом Гитлера в экономических вопросах. Его интересует, как отнеслись бы мы к попытке немцев перевести предстоящие разговоры в политический план?

Я заметил, что считаю это менее всего вероятным. Тем не менее, мы никогда не отказывались от возможности нормализовать наши отношения с любым государством.

Шнуре осведомился дальше, действительно ли нами ведутся сейчас торговые переговоры с рядом стран. При этом он поставил вопрос, не пользуемся ли мы этим контактом, чтобы закрепить наши политические взаимоотношения с соседями и воссоздать таким образом систему коллективной безопасности?

Я подтвердил ему, что в СССР пребывают представители от ряда стран – в том числе Латвии, Румынии, Ирана, даже, кажется, Болгарии, чтобы вести переговоры о торговых взаимоотношениях с СССР.

– Мы охотно идем навстречу стремлениям наших соседей оживить и укрепить

экономические отношения с нами, – сказал я ему.

– Прямых политических целей эти переговоры перед собой не ставят. Однако всякому понятно, что на базе экономического сотрудничества укрепятся и политические взаимоотношения, – добавил я, нагоняя туману.

На вопрос его, не рассчитываем ли мы использовать промышленность Германии для наших оборонных целей, я ответил, что спецификация наших эвентуальных закупок в Германии ещё не намечена и поэтому мне неизвестна. Однако я не исключаю возможности того, что мы, как и раньше, будем получать из Германии предметы, необходимые для нашей промышленности, в том числе и оборонной.

Немцы в разговорах, однако, скрывают свои очередные намерения и отделиваются лишь общими фразами.

Итало-германская дружба, слышу я, как тут считают, «действительна лишь в мирное время, благодаря ей обе стороны осуществляют свои цели, – она не выдержит военного испытания». Если дело дойдет до мировой войны, то Италия изменит Германии, как в 14-м году, за внешним германо-итальянским благополучием скрывается недовольство.

Я тоже с этим был согласен. Трудно подумать, что Муссолини удовлетворится компенсацией от немцев в виде благодарственной телеграммы ему от Гитлера. Германия безусловно стремится проникнуть в Чёрное или Средиземное моря. В этом случае можно ожидать резкого изменения и перестройки германской внешней политики.

Немецкие министры говорили мне, что Германия не допустит раздела Карпатской Украины между Венгрией и Польшей, так как Германия хочет сохранить свою гегемонию над Карпатской Украиной. Отрицательно немцы относятся также и к венгерским притязаниям в Румынии.

– Является ли визит Чемберлена в Рим удавшимся или нет?, – задавались в Рейхсканцелярии вопросом.

Я всем здесь отвечал, что по моему мнению, на первый взгляд, на этот вопрос можно было бы ответить отрицательно, поскольку во время трёхдневного пребывания в Риме ни одна из поставленных проблем не была решена. Говорят, что Чемберлен уехал из Рима с «пустыми руками» и «ровно ничего не добился». Такая оценка, по моему мнению, является неправильной и поверхностной. Прежде чем ответить на

вопрос, добился ли чего-нибудь Чемберлен, необходимо поставить другой вопрос, чего вообще он добивался и какова была действительная цель его визита? Только в свете такой постановки вопроса можно говорить о результатах римской встречи.

Мне представляется, что основной концепцией Чемберлена, а также и Бонне, которая доминирует над всеми частными проблемами, является ближайшее направление агрессии «оси» Рим – Берлин не на запад, а на восток. Для этой цели необходимо сделать уступки на западе, добиться временного удовлетворения притязаний «оси» и таким путем изменить направление её агрессии.

– Мне кажется, что основной целью визита Чемберлена и был зондаж Муссолини относительно подобной перспективы, – резюмировал я.

Со мною немцы не соглашались и повторяли за Гитлером, что «после Мюнхена у Германии больше нет в Европе интересов».

Я кивал, но чувствовал совсем другое...

***

Москва, Кремль

В кабинете Сталина делал рабочий доклад Литвинов:

– Таким образом товарищ Сталин, до сих пор вакантны места полпредов в девяти столицах, а именно: в Вашингтоне, Токио, Варшаве, Бухаресте, Барселоне, Ковно, Копенгагене, Будапеште и Софии.

– Если не вернется в Тегеран находящийся сейчас в СССР товарищ Черных, то получится 10-я вакансия.

– В некоторых из перечисленных столиц, товарищ Сталин, не имеется полпредов уже свыше года. Оставление на продолжительные сроки поверенных в делах во главе посольств и миссий приобретает, политическое значение и истолковывается как результат неудовлетворительных дипломатических отношений, – негодовал наркоминдел.

Сталин молча слушал, прохаживаясь, как обычно, по кабинету, а Литвинов продолжил:

– Я считаю, товарищ Сталин, особенно неудобным и вредящим нашим отношениям отсутствие полпредов в Варшаве, Бухаресте и Токио.

– После наметившегося сближения с Польшей польская печать заявила о предстоящем назначении полпреда в Варшаву как неизбежном вследствие сближения.

– Благодаря отсутствию полпреда в Бухаресте мы, товарищ Сталин, не имеем решительно никакой информации о том, что происходит в Румынии как в области внутренней, так и внешней политики.

– С Японией нам приходится вести все переговоры через японского посла, ибо наш поверенный в делах доступа к министру иностранных дел почти не имеет. – Как правило, товарищ Сталин, министры редко лично принимают поверенных в делах, – пояснил Литвинов.

Сталин всё так же медленно ходил и спокойно курил, не

перебивая, а наркоминдел продолжал:

– Не лучше, товарищ Сталин, обстоит дело с советниками и секретарями полпредств. Имеется свободных вакансий: советников – 9, секретарей – 22, консулов и вице-консулов – 30 и других политических работников полпредств, заведующих отделами печати, атташе и секретарей консульств – 46.

– Некоторых полпредов, товарищ Сталин, мы не можем вызывать в Москву во исполнение решения ЦК, ввиду отсутствия у них работников, так например в Афинах у полпреда нет ни одного человека или таких, которым можно было бы поручить хотя бы временное заведывание полпредством. Я уже не говорю о свободных вакансиях ответственных работников в центральном аппарате НКВД.

– Достаточно сказать, товарищ Сталин, что из 8 отделов только 1 имеет утвержденного заведующего, а во главе остальных 7 находятся врио заведующих.

– Нет в НКВД, и в особенности в полпредствах, товарищ Сталин, необходимого технического персонала. Мы с последней почтой не получили почти никаких докладов и информации из Лондона вследствие отсутствия там машинистки.

А со вчерашнего дня пришлось приостановить курьерскую службу, так как 12 курьерам не разрешают выезд за границу до рассмотрения их личных дел, – грустно констатировал Литвинов.

Сталин остановился и указав трубкой, сказал:

– Товарищ Литвинов, вы же хорошо знаете, что все эти ваши сотрудники оказались троцкистами, фашистами, шпионами и предателями!

Литвинов пожал плечами и попытался выкрутиться:

– Товарищ Сталин, такое положение создалось не только вследствие... эээ... изъятия некоторого количества сотрудников НКВД органами НКВД.

– Дело в том, товарищ Сталин, что, как правило, почти все приезжающие в Союз в отпуск или по нашему вызову заграничные работники не получают разрешения на обратный выезд.

– Не получают разрешения на выезд за границу, товарищ Сталин, также большинство работников центрального аппарата НКВД.

– Немалое количество работников просто исключено парткомом из партии в порядке бдительности.

– Другие самоустраиваются от секретной работы – «рассекречиваются», а следовательно, теряют для НКВД всякую ценность по распоряжению 7-го Отдела НКВД.

– Подготовленная нами на курсах за последние годы смена также не получает возможности работать за границей.

– Новых подходящих работников мы за последнее время от ЦК не получаем.

– Набранные на курсы новые работники смогут стать на работу по окончании курсов лишь через полтора-два года. Не видно, таким образом, никаких перспектив к пополне-

нию наших кадров, если будет продолжаться нынешний подход к разрешению выезда за границу и к допущению к секретной работе, – перечислил все трудности Литвинов.

Сталин снова остановился и спросил:

– И что вы предлагаете?

Литвинов пожал плечами и стал рассуждать:

– Можно было бы, товарищ Сталин, вообще свернуть полпредскую сеть. Не раз уже обсуждался, например, вопрос об объединении трех скандинавских полпредств в одном... у Коллонтай.

– Можно было бы также объединить финское полпредство с эстонским, латвийское с литовским, чехословацкое с венгерским, румынское с греческим, но это, товарищ Сталин даст не очень большую экономию, ибо придётся иметь во всех столицах, по крайней мере, консульства.

– Да и политически вряд ли это удобно, ибо усилились бы толки о нашей самоизоляции и тому подобное.

Сталин снова остановился и просто пристально посмотрел на Литвинова.

Тот вздохнул и сказал:

Товарищ Сталин, конкретно я могу пока сделать лишь следующие предложения:

– Первое: Товарища Александровского перевести в Бухарест, ибо Румыния для нас теперь имеет больше значения, чем фашизированная и потерявшая всякую самостоятельность Чехословакия.

– Второе: В Варшаву назначить товарища Богомолова, о котором я писал ещё 29 октября прошлого года. Из всех присланных ЦК кандидатов в полпреды товарищ Богомолов производит наилучшее впечатление. Если почему-либо назначение товарища Богомолова невозможно, то предлагаю назначить в Варшаву товарища Александровского.

– Третье: Товарища Марченко назначить полпредом в Испании. Негрин болезненно воспринимает оставление нами Испании без полпреда. Фактически товарищ Марченко и так там выполняет все функции полпреда и с работой справляется, отчего же не дать ему звание полпреда?, – спросил Литвинов.

Сталин ничего не ответил и продолжал неспешно ходить.

Наркоминдел продолжал:

– Четвёртое: Предлагаю, товарищ Сталин, назначить комиссию для изучения создавшегося в НКВД положения с кадрами и изыскания путей к изменению положения.

– В комиссию просил бы назначить одного из членов Политбюро, товарища Маленкова и меня, – добавил Литвинов в конце.

Сталин остановился и сказал:

– Будем считать это моим поручением. Оформите всё у Поскрёбышева. И принимайтесь со всей энергией.

Литвинов всё записал и побежал исполнять.

А ещё через неделю комиссия одобрила первых кандидатов. Так в советскую дипломатию пришли Андрей Громыко

и Валериан Зорин.

Глава 3

В середине февраля 1939 года я сопровождал Гитлера, когда тот посещал дом Бисмарка в Фридрихсруэ, а на следующий день его пригласили почтить своим присутствием спуск на воду линейного корабля «Бисмарк» в Гамбурге.

Я хотел извлечь пользу из поездки, внушив Гитлеру свои сомнения в отношении его планов насчет Праги, о которых уже все говорили открыто. Однако мне удалось поговорить об этом только с Риббентропом. Результаты беседы оказались неудовлетворительными, поскольку Риббентроп обладал привычкой с умным видом выслушивать собеседника, если не был уверен в намерениях Гитлера.

Правда, я смог в поезде провести длительную беседу с адмиралом Редером главнокомандующий ВМФ Германии, которому меня представил Кейтель.

От него я узнал, что тот только что объяснил Гитлеру, что морской флот не будет готов сражаться против Англии ранее 1942 года.

Конечно, было заметно, что Редер вовсе не хотел войны. Занимавший пост главнокомандующего сухопутными войсками фон Браухич показался мне менее ответственным и не прислушивался к точке зрения осторожных генералов, — похоже, его волновали чисто военные идеи.

Застольные разговоры Гитлера и в его тесном кругу были

по тематике своей ... к моему большому огорчению... паразитально ограниченными, и не выходили за пределы предвзято – банальных речей.

Это уже и ранее ... подобным беседам в Оберзальцберге... придавало довольно утомительный характер.

Отличались они тут, быть может, только большей жесткостью формулировок, но оставались все в том же репертуаре, который Гитлер ни расширял, ни углублял и почти не обогащал какими-либо новыми точками зрения, идеями. Я не могу сказать, что, находил бы его высказывания яркими, хотя он и завораживал многих своей личностью.

Скорее, они меня протрезвляли, потому что я ожидал взглядов и суждений более высокого уровня.

Говоря о себе, он часто подчеркивал, что его внутренний политический, художнический и военный мир образуют целостность, которая у него, вплоть до мельчайших деталей, полностью сложилась между двадцатыми и тридцатыми годами.

Это было, по его словам, самое плодотворное время его жизни: все, что он теперь планирует и творит – всего лишь осуществление его тогдашних идей.

Большое место в застольных разговорах занимали воспоминания о мировой войне. Очень многие из присутствовавших прошли через неё.

Гитлер какое-то время находился в траншеях напротив англичан, которые внушили ему своей смелостью и беззавет-

ностью определенное уважение, хотя он и подшучивал над некоторыми их особенностями.

Так он с иронией рассказывал, что ко времени пятичасового чая они прекращали артиллерийский огонь и что в это время он мог всегда без риска выполнить свои обязанности связного.

Поминая французов, на этих застольях, он никогда не высказывался в реваншистском духе: он не хотел повторения войны 1914 года.

– Нет никакого смысла, – рассуждал он, – начинать новую войну из-за незначительной полоски территории Эльзас-Лотарингии. Тем более, что эльзасцы из-за длительного колебания то в одну, то в другую сторону, не представляют ценности ни для одной, ни для другой стороны. Надо их оставить в покое там, где они сейчас находятся.

Естественно, что при всех рассуждениях Гитлер исходил из того, что Германия должна расширяться на Восток.

Храбрость французских солдат также произвела на него впечатление, вот только офицерский корпус был, по его мнению, дрябловат: «Под командой немецких офицеров французы были бы выдающейся армией».

Довольно сомнительный, с точки зрения расистских принципов, союз с Японией он не то чтобы отвергал, но в отдаленной исторической перспективе у него были большие сомнения на этот счет.

И сколько бы раз он ни касался этой темы, в его голосе

всегда можно было расслышать оттенок сожаления, что он пошел на союз с так называемой желтой расой. Но, – тут же добавлял он, – у него нет оснований особенно упрекать себя за это: ведь и англичане блокировались с Японией в мировую войну против держав Тройственного союза. Но Гитлер рассматривал Японию как союзника в ранге мировой державы, относительно же Италии у него такой уверенности не было.

А американцы в войне 1914-1918 годов не так чтобы себя показали, да и значительных жертв они не понесли. Настоящего испытания они, конечно, не выдержат, их достоинства как боевой силы сомнительны. Да, и вообще американский народ как единое не существует, это же всего-навсего толпа эмигрантов разных народов и рас.

У Гитлера адъютантом был Фриц Видеман – в прошлом адъютант командира полка и начальник пешего связного Гитлера.

Так тот пытался возражать и настаивал на развитии диалога с Америкой. Гитлер, раздосадованный его прекословием, что нарушало неписанные законы застолья, отправил его генконсулом в Сан-Франциско: «Пусть он там излечится от своих заблуждений», – напутствовал Гитлер своего бывшего командира.

Эти застольные беседы велись людьми, не имевшими никакого международного опыта.

В своем большинстве они не покидали пределов Германии. И если кто-нибудь из них совершал увеселительную по-

ездку в Италию, то за столом Гитлера это обсуждалось уже как целое событие и за этим господином закреплялась репутация человека с международным опытом.

Да и Гитлер совсем ведь не видел мир и не приобрел ни знаний о нём, ни почерпнул в нём новых идей.

К тому же партдеятели его окружения в основном не имели высшего образования.

Из пятидесяти рейхс- и гау-ляйтеров, – элиты имперского руководства, всего лишь десять имели законченное университетское образование, некоторые имели незаконченное высшее, а большая часть не двинулась дальше средней школы.

Почти никто из них не добился высоких результатов хоть в какой-нибудь области. Их всех отличала поразительная духовная лень.

Их образовательный уровень ни в коей мере не отвечал тому, чего следовало бы ожидать от высшего руководства во главе народа с традиционной высоким интеллектуальным уровнем.

Я так понял, что Гитлеру было приятнее иметь среди своих сотрудников и приближенных лиц одинакового с ним происхождения. Среди них он чувствовал себя комфортнее.

Ему неизменно доставляло удовольствие, если кто-нибудь из его сотрудников попадал впросак.

Мой приятель Ханке как-то заметил: «Вообще-то хорошо, когда у сотрудников есть какой-то изъясчик и они знают, что

это начальству известно. Поэтому фюрер так редко и меняет своих сотрудников. Ему с ними легче работается. У каждого найдется какое-нибудь темное пятнышко, и это помогает держать их на поводке».

За «изъянчик» считались бытовая распущенность, отдаленные предки – евреи или непродолжительный партийный стаж.

Довольно часто Гитлер пускался в рассуждения, что экспортировать такие идеи как национал-социализм – ошибка. Следствием может быть только нежелательное усиление других наций и ослабление собственных национальных позиций. Его успокаивало, что в нацистских партиях других стран не видать было политиков его калибра.

– Они просто рабски подражают нам и перенимают наши методы – говаривал он, – но это ничего им не даст. В каждой стране следует исходить из её специфических обстоятельств и в соответствии с этим определять свои методы.

Политика была для Гитлера делом целесообразности.

Даже на свою основополагающую книгу «Майн кампф» он смотрел под этим же углом зрения, говоря, что во многих местах она уже не отвечает сегодняшнему дню, и ему вообще не следовало бы развертывать всю свою программу на столь ранней стадии.

После завоевания власти идеология начала заметно отходить на второй план. В основном только Геббельс и Борман вели борьбу против опошления партийной программы.

Они не ослабляли усилий по идеологической радикализации Гитлера.

Если судить по публичным выступлениям, к кругу твердых идеологов принадлежал и Лей, но он был мелковат, чтобы завоевать сколь-либо значительный авторитет.

Гиммлер же, напротив, шёл откровенно каким-то своим шарлатанским путем, сваливая в одну кучу верования древнегерманской прорассы, элитизм и убежденность в пользе потребления исключительно свежих натуральных продуктов, и всё это он начинал облекать в экзальтированные полурелигиозные формы.

Над этими его «исканиями» подшучивали прежде всего Гитлер и Геббельс, и надо признать, что Гиммлер сам как бы способствовал этому своей тщеславной тупостью.

Как-то японцы поднесли ему в дар самурайский меч, и он тут же открыл родственность германских и японских культов и с помощью ученых начал строить разные догадки, каким образом это можно объяснить в свете расового учения.

Одним из особенно волновавших Гитлера вопросов было, как на длительную перспективу обеспечить его Рейху достойную подрастающую смену.

Зародыш идеи подал Лей, которому Гитлер передал всю организацию системы воспитания.

Благодаря созданию «школ Адольфа Гитлера» для молодежи и «Орденских замков», которые бы поставляли руководящие кадры, предстояло вырастить компетентную и идео-

логически вышколенную элиту.

Вероятно, такой отбор сгодился бы только на кадровое наполнение партийно-бюрократического аппарата.

Для практической же жизни это пополнение, проведенное в изоляции молодые годы за высокими стенами, вряд ли было бы пригодно.

Примечательно, что высокопоставленные функционеры не направляли своих детей в такие школы. А Борман же – и это очень показательно – отправил одного из своих сыновей в одну из таких школ... в наказание.

Для активизации подзапущенной идеологической работы, по представлениям Бормана, была необходима война против церкви.

Он был движущей силой её обострения, и он не упускал для этого ни одного случая во время застолий. Я же подумал, что, как для советского агента, Борман ведёт правильную работу.

Здесь, в мужском обществе, Гитлер был грубее и откровеннее, чем в своем зальцбургском окружении.

«После того, как я разберусь со всеми другими вопросами, – иногда говаривал он, – я и с церковью рассчитаюсь. Ей небо покажется в овчинку».

Но Борману не терпелось. Он использовал малейший повод, чтобы чуть ещё продвинуться в своих намерениях.

Даже за обедом он нарушал неписанное правило не касаться тем, которые могли бы расстроить Гитлера.

У Бормана была для этого даже разработана особая тактика. Он договаривался с кем-нибудь из присутствующих подбросить ему мяч в виде рассказа о какой-нибудь очередной подстрекательской речи священника или епископа, рассказ должен был вестись достаточно громко, чтобы привлечь внимание Гитлера. На вопрос последнего Борман замечал, что произошла неприятность, но вряд ли о ней стоит сейчас говорить, он не хотел бы портить Гитлеру обед. Но тут уже Гитлер начинал допытываться, а Борман, делая вид, что прямо-таки преодолевает себя, подробно все излагал.

Сердитые взгляды гостей смущали его столь же мало, как и наливавшееся кровью лицо Гитлера.

В нужный момент он извлекал из портфеля папку и зачитывал целые пассажи из подстрекательской речи или церковного послания.

После таких эпизодов Гитлер часто бывал в таком раздражении, что – верный признак гнева – начинал щелкать пальцами, переставал есть и грозил расквитаться. Ему легче было примириться с хулой и возмущением за рубежом, чем с непокорностью внутри. Невозможность обрушиться на неё карающим мечом доводила его до белого каления.

У Гитлера не было чувства юмора. Он предоставлял другим шутить, сам же смеялся громко и раскованно, он мог от смеха буквально сгибаться пополам, вытирая с глаз слезы.

Смеялся он охотно, но, в сущности, всегда за чужой счет. Геббельс умел лучше всех развеселить каким-нибудь

анекдотом Гитлера и одновременно унижить кого-либо из соперников: «Вот недавно, – рассказывал он, Гитлерюгенд потребовала от нас, чтобы мы распространили для печати заметку по случаю 25летия со дня рождения их начальника штаба Лаутербахера. Я распорядился направить ему небольшой текстовый набросок, в котором отмечалось, что он встречает свой день рождения „в полной физической и умственной ясности“. Больше мы ничего от него не слышали». Гитлер согнулся пополам от хохота, а Геббельс своей цели – дискредитировать занесшегося молодежного фюрера – достиг лучше, чем сделай он пространный доклад.

Гитлер охотно и часто рассказывал за обеденным столом о своих молодых годах и особо подчеркивал строгость воспитания: «Я частенько получал от отца здоровую взбучку. Сегодня я думаю, что это было необходимо и что это пошло на пользу».

Вильгельм Фрик, министр внутренних дел, как-то раз встрял тут своим блеющим голосом: «Да, уж сегодня по всему виду, что Вам, майн фюрер, это пошло на пользу».

За столом повис всеобщий парализующий ужас... Фрик пытается спасти ситуацию: «Я хотел сказать, майн фюрер, что поэтому Вы так далеко и пошли».

Геббельс, считавший Фрика за полного болвана, саркастически заметил: «Я полагаю, что Вас, дорогой Фрик, секли в молодости совершенно недостаточно!»

Гитлер засмеялся... ситуация разрядилась...

Искусство министров состояло в том, чтобы подгадать удобный час или минуту, когда Гитлер начинал беседу, и затем вбросить осторожно ремарку, которой затем придавалась форма «распоряжения фюрера». Достаточно было произнести за столом, что испанский генералиссимус Франко оказался слабым человеком, который в Германии «в лучшем случае возглавил нужник в казарме», и тотчас, как вихрь, это сообщение промчалось ко всем партийным чиновникам и министрам, и «акции» франкистов резко упали в цене.

25 февраля скоропостижно и неожиданно умер американский поверенный в делах Гильберт, с которым я обменивался мнениями на приёме менее месяца тому назад.

Я был на панихиде, где присутствовало так же много слов, не говоря уже о посланниках.

Это было характерно, что именно в этот час назначено торжественное открытие германо-японской выставки – древнеяпонское искусство, где должен присутствовать Гитлер.

Очевидно, большинство глав миссий предпочло уклониться от последней церемонии, придя на панихиду по американцу.

После панихиды беседуя с Игенбергсом – латвийский 1-й секретарь, я выяснил, что латвийцы весьма напряженно следят за развитием германо-чешских переговоров по поводу статуса немецкого меньшинства в Чехословакии.

Как известно, немцы не удовлетворены уже полученными от Праги уступками и выдвигают все новые требования,

причем предела последних, по своему обыкновению, не намечают.

Прага по каждому требованию сначала пытается сопротивляться, но затем уступает.

Латышей беспокоит, что немцы, добившись максимума уступок от чехов и поставив немецкое меньшинство на положение чуть ли не экстерриториальности, воспользуются этим как прецедентом и станут добиваться аналогичных прав для немцев в других странах.

Эти домогательства могут быть направлены по адресу Венгрии, Румынии, Югославии, Польши, но наиболее опасны для Латвии, где немцам до сих пор никаких специальных прав не предоставлено.

Берлин всё время нападает на латышей, требуя разрешения латвийским немцам образовать особую политическую партию.

Латышское правительство до последнего времени отбивается от этих притязаний, выдвигая тот аргумент, что в Латвии, мол, партии вообще не разрешены, а поэтому нет основания делать исключения для немцев.

На это Берлин отвечает, что формально-юридически аргументация эта, быть может, и логична, но, мол, надо подойти к вопросу с точки зрения реальной политики и дать немцам в Латвии особые права.

Есть опасность, что после разрешения немецкого вопроса в Чехословакии, Берлин усилит нажим в этом направлении

и на Ригу.

Из дальнейшего разговора выясняется, что посланник Кревиныш всё время болеет, это связано с тем, что человек он пожилой, одинокий, имеет массу знакомств среди немцев и не прочь выпить и закусить.

***

Москва, Кремль

Сталин читал последнее донесение Козырева из Берлина: «Посылаю Вам карту с названием «Мы должны снова иметь колонии», выпущенную здесь в соответствии с ведущейся пропагандой о возвращении колоний. Из неё Вы увидите, что Германия считает «своими» не только Данциг и довоенные колонии, в том числе дальневосточные – уже занятые японцами, но и подчеркивает свои права на:

1) Прибалтику, как территорию, занимавшуюся немцами в XIII-XIV вв.;

2) Венесуэлу – была в залоге у аугсбургской торговой компании «Вельзер» в XVI в., Тринидад и Тобаго (Англия) – Южная Америка и Гамбию (Англия) – Западная Африка, как принадлежавшие Курляндскому герцогству в XVI-XVII вв.;

3) Гроссфридрихсбург (Англия), Токкорарии (Англия) и Аргвин (Франция) в Западной Африке, как принадлежавшие курфюршеству Бранденбургскому в XVII-XVIII вв.; и

4) бухту Делагоа (Португалия) в Южной Америке, Малабарский берег и Никобарские о-ва (Южная Индия), как быв-

шие владения Австро-Венгрии в XVIII в.

В сопроводительном тексте к карте содержится «намеки» на Голландию, как «отколовшуюся часть рейха».

Сталин усмехнулся, отложил курьёз в сторону и принялся перечитывать более серьёзную информацию.

В ней Козырев сообщал, что все сведения, полученные им о переговорах Бека с Гитлером и Риббентропом, сходятся в том, что эти переговоры действительно не внесли существенных изменений в польско-германские отношения и не разрешили ни одного спорного вопроса.

Конкретно ставился лишь вопрос о германском коридоре, прорезывающем польский коридор, но дал ли Бек на это согласие – пока неизвестно.

Гитлер успокаивал Бека насчёт приписываемых ему происков в Карпатской и польской Украине, к которым Германия якобы не имеет отношения, и обещал, во всяком случае, не задевать интересов Польши.

Со своей стороны, Бек успокаивал Гитлера насчет дальнейшего сближения с СССР, что речь идет только о нормализации отношений и устранении разногласий, ранее накопившихся.

Как писал Козырев, у него создалось впечатление, что Гитлер не считает ещё возможным окончательно отбрасывать Польшу, опасаясь её сближения с нами, и поэтому совершенно неискренне говорил о проблемах, интересующих Польшу.

Дочитав, Сталин задумчиво отложил донесение и принялся за текущие дела.

Литвинов недавно направил ему записку, в которой отмечал неоднократно выражавшееся желание Леона Блюма посетить Москву.

Нарком писал: «Ставит он и теперь вопрос в связи с намеренной им поездкой в Америку, где он хочет провести кампанию за образование широкого антифашистского блока с участием Америки и СССР. Он хотел бы на эту тему, а также об объединении социалистической и коммунистической партий поговорить с Вами лично».

Литвинов предлагал положительно отнестись к возможному приезду Блюма в Москву, который по мнению наркома, был бы более целесообразен после его поездки в САСШ.

Сталин решительно написал на записке наркоминдел:

«Не возражать против предложения тов. Литвинова по вопросу о приезде в СССР Блюма»

Следующим документом был проект протокола Политбюро.

Слушали Литвинова:

Об Аландских островах 1.

Постановили:

1. Потребовать от Финляндии гарантии (если возможно обменом нот) недопущения использования укреплений третьими странами против советского флота или в качестве морской базы, угрожающей СССР.

2. Требовать объяснения по поводу сообщения в шведской газете о продаже Германии островов близ Котки.

Примечание 1:

1 Международная конференция, проходившая в Женеве в октябре 1921 г., выработала Конвенцию о демилитаризации и нейтрализации Аландских островов, принадлежавших Финляндии. Конвенция вступила в силу 6 апреля 1922 г. Советская Россия не участвовала в её выработке.

В начале 1939 г. Финляндия и Швеция, стремясь добиться отмены демилитаризации Аландских островов, обратились по этому вопросу в Совет Лиги Наций. Ещё в ноябре 1938 г. полпред СССР в Швеции А. Коллонтай сообщала в Москву: «В настоящий момент милитаризация Аланда всецело в руках Финляндии, а так как финляндская военщина всецело в руках финских фашистов, которые не раз заявляли, что они никогда не будут направлять с Аланда свои пушки против немцев, то возникает вопрос у более радикально мыслящей шведской общественности: в чьих же, собственно, интересах милитаризируется Аланд?»

Вопрос о возможной милитаризации Аландских островов по поручению Сталина уже обсуждался на переговорах между представителями СССР и Финляндии в Москве в начале декабря прошлого 1938 года.

Тогда финская делегация выдвигала вопрос об укреплении Аландских островов, а советские представители выясняли возможность того, чтобы оборону на острове Суурса-

ари создавал всё же СССР.

К протоколу Сталин сделал приписку:

«Литвинову: обсудить вопрос об Аландских островах в Лиге Наций с целью оставить в силе Конвенцию 1921 г.»

Затем Сталин решительно дописал ещё один пункт протокола в «Постановили»:

3. Литвинову сделать правительству Финляндии предложение о сдаче СССР в аренду на 30 лет островов Гогланд, Лавансаари, Сейскари и Тюторсаари в Финском заливе для использования их в качестве наблюдательных пунктов на подступах к Ленинграду.

4. Направить тов. Штейна в Финляндию для выполнения миссии по поручению тов. Литвинова.

Мысль направить в Хельсинки советского дипломата Штейна у Сталина возникла не на пустом месте. Тот был полпредом СССР в Финляндии в 1932 -1934 годах.

В этот момент Генсека посетила ещё одна гениальная идея: «А пусть во время переговоров с руководителями Финляндии Штейн выдвинет предложение не только об аренде указанных островов, но и об их обмене на пограничные районы Советской Карелии».

Затем Сталин стал читать ещё одну записку Литвинова.

Тот писал, что Бонне – министр иностранных дел Франции, спрашивал у нашего полпреда Сурица, не считаем ли мы полезным приезд в Москву французской торговой делегации с участием представителей военной промышленно-

сти?

В своей записке Литвинов писал, что ему кажется, что торговые отношения с Францией более или менее урегулированы и нам от Франции в этом отношении ничего уже не нужно.

Возможно, что Бонне имеет в виду послать под флагом торговой делегации кого-либо для политического зондажа?

Далее Литвинов пишет, что ему кажется, что меньше всего мы должны позволять Франции прибегать к таким уловкам.

Во всяком случае, он просил указаний, какой ответ должен быть дан Бонне?

Сталин задумался, набил трубку, неспешно закурил, сделал пару затяжек. А затем решительно черкнул на записке: «Считать присылку делегации несвоевременной».

Глава 4

В начале марта Гитлер давал торжественный обед. Присутствовали все министры и дипкорпус. Дипломаты при входе представлялись Гитлеру и Риббентропу. При разбивке мест за столом никакого ущемления по отношению к нам допущено не было. Справа от нас сидели Липский и жена Геринга, слева Нейрат, а напротив Геринг и Гитлер.

Обед Гитлеру подавали лица его личной охраны. После обеда в общем зале к Гитлеру подходили некоторые послы и имели краткие беседы.

Я счёл это необходимым и также подошёл к Гитлеру. После взаимных любезностей, в беседе был затронут вопрос о моем положении в Берлине.

В разговоре я ответил, что не вижу со стороны Гитлера по отношению ко мне какой-либо дискриминации и могу выразить своё удовлетворение, что имею возможность бывать регулярно в Рейхсканцелярии. Посетовал, что там нет возможности более тесно нам с ним пообщаться. Гитлер развёл руками и сказал: – Герр фон Козырёфф, Вы всё сами видите... Много дел, даже поесть спокойно не дают... Нет возможности отвлечься и помечтать... Или просто вспомнить молодость...

Тут я испугался, что Гитлера понесёт в его обычный словесный понос, но был спасён Герингом, утянувшим извиня-

ющего фюрера в сторону японского посла.

Разговор с отдельными дипломатами носил общий характер.

Китайский посол сказал мне, что японцы начали активизацию своих военных

операций вокруг Китая, но, мол, состояние китайской армии неплохое, благодаря помощи СССР. Что заметна большая активизация японского посла в Берлине и якобы намечающееся усиление германо-японских отношений.

Но тут и так было видно, как Гитлер с этой «японской макакой» носится.

Доминиканский посланник благодарил меня за полученный им один экземпляр истории ВКП (б) на английском языке и снова подчеркнул свои симпатии и интерес к Советскому Союзу.

Ко мне также опять подходил Геринг, который свёл разговор к вопросу о данном приеме и на тему трудности овладения им русским языком. Нарывался на комплимент и получил. Я его похвалил за его русский и намекнул, что знаю о его бурной молодости. Он расцвёл...

Судя по проявленному ко мне вниманию, я решил возможным сделать Герингу при удобном случае протокольный визит как министру-президенту. Хотя визит этот может состояться нескоро, так как есть предположение, что Геринг выедет в Италию на 2 месяца, якобы на лечение.

Видимо, эту поездку он использует и для деловых перегово-

воров с итальянцами.

На приёме также более смело подходили ко мне некоторые из немцев и их сателлитов, что можно, пожалуй, объяснить результатом моего частого посещения Рейхсканцелярии и проявленного недавно экономического интереса к СССР со стороны немцев и результатом уже вторичных встреч на приемах.

Затем ко мне подошёл литовский посланник Шкирпа, до этого работавший, как я знал, в качестве посланника в Варшаве, а ещё ранее военным атташе в Берлине.

Посланник приехал в Берлин ещё в декабре, а вручил грамоту Гитлеру только 28 февраля.

Гитлер объяснял ему задержку его приема отсутствием других кандидатов на вручение, так как протокол МИДа обычно пропускает двух-трех дипломатов сразу.

Ответная речь Гитлера была в общем удовлетворительная, хотя были в ней места, которые могут быть истолкованы двояко.

Бывая в Рейхсканцелярии, я пришёл к выводу, что именно обеды у Гитлера отнимали много времени.

Ведь за столом сидели до половины пятого. Конечно, кто-то мог и позволить себе такое расточительство. Я появлялся там не более двух-трёх раз в неделю, чтобы не запускать свою агентурную и дипломатическую работу.

Но, с другой стороны, бывать в гостях у Гитлера было необходимо для поддержания престижа и получения инфор-

мации.

Кроме того, почти для всех допущенных к трапезам было важно иметь представление об отношении Гитлера к текущим проблемам.

Да и для Гитлера эти сборища были полезны, они позволяли в неформальной обстановке, без какого-либо труда, ознакомить определенный круг людей с политическими установками, главным лозунгом дня.

В то же время, к моему большому сожалению, Гитлер, как правило, не позволял заглянуть за двери, за которыми, собственно, и шла его работа, поделиться, к примеру, результатами какого-нибудь важного совещания.

А если он иногда делал это, то с единственной целью – пренебрежительно отозваться о собеседнике.

Некоторые гости прямо за едой, как заправские охотники, закидывали наживку, стараясь заполучить у Гитлера аудиенцию.

Якобы невзначай упоминались фотографии нынешнего состояния какой-либо стройки или снимки театральных декораций нового спектакля – особенно хорошо срабатывали оперы Вагнера или оперетты.

Но всё-таки самым безошибочным средством всегда оставалась фраза: «Мой фюрер, я принес Вам новые чертежи или планы чего-то там...».

В этом случае гость мог быть вполне уверен, что услышит: «Прекрасно, покажите их мне сразу же после обеда».

По негласному мнению обеденной компании это был не очень честный способ, но иначе угрожала перспектива многомесячного ожидания приема.

По окончании обеда гости быстро прощались, а тот, кому выпало счастье, направлялся с хозяином дома в примыкающий холл, именуемый почему-то «зимним садом».

Гитлер иногда на ходу обращался к кому либо: «Задержитесь на минутку, я хотел бы кое-что с Вами обсудить».

Минутка превращалась в час и более того. Наконец, счастливица просили пройти.

Вальтер Функ, министр хозяйства и одновременно президент Рейхсбанка, рассказывал о совершенно безумных выходках своего заместителя Бринкмана, который тот беспрепятственно устраивал на протяжении многих месяцев, пока его официально не признали сумасшедшим.

Функ не просто хотел позабавить Гитлера, но и подготовить его таким безобидным способом к слухам, которые, скорее всего, так или иначе до него дойдут: незадолго до этого Бринкман пригласил на роскошный обед в большой зал самого фешенебельного берлинского отеля «Бристоль» всех уборщиц и посыльных мальчишек Рейхсбанка, и сам играл им на скрипке.

Это ещё как-то вписывалось в официальную линию режима – демонстрация народной общности.

Сомнительнее прозвучало то, что Функ, под всеобщий хохот собравшихся, поведал дальше: «Недавно Бринкман

встал перед входом в министерство на Унтер-ден-линден, вытащил из кармана большой пакет свежотпечатанных асигнаций, как Вы знаете, с моей подписью, и начал раздавать прохожим, приговаривая: «Кому нужны новые функи?»

А вскоре, – продолжал Функ, – его душевное заболевание стало совершенно очевидным.

Он созвал всех служащих банка и скомандовал: «Кто старше пятидесяти, – налево! Остальные – направо!» И обращается к одному справа: «Так сколько Вам лет?» – «Сорок девять, господин вице-президент! – «Тогда – налево! Итак, все по левую руку увольняются немедленно и с удвоенной пенсией».

У Гитлера от смеха слезились глаза. Когда он снова собрался с собой, он выдал длинный монолог о том, как по временам сложно распознать психически ненормального.

Этой историей Функ попытался окольным и безобидным путем подстелить себе соломку: Гитлер ещё не знал, что Рейхсбанкдиректор, имеющий право подписи, выправил в своей невменяемости чек на несколько миллионов марок, а «диктатор экономики» беззаботно инкассировал его.

Функу пришлось нелегко, чтобы получить назад оприходованные Герингом миллионы.

Я часто спрашивал себя, возможно ли влиять на Гитлера? Да, конечно, – и в очень высокой степени, особенно – кто это умел, – отвечал я сам себе.

Гитлер хотя и был недоверчив, но в каком-то довольно

примитивном смысле: изощренные ходы фигур или очень осторожное ориентирование его мнения он не всегда улавливал.

Для разоблачения методично организованного, осмотрительно реализуемого шулерства у него не хватало интуиции.

Мастерами такой игры, по моим наблюдениям были Геринг, Геббельс, Борман и, далеко уступая им, – Гиммлер.

Поскольку же прямым разговором добиться перемены взглядов Гитлера по какому-то крупному вопросу было невозможно, эти навыки ещё более упрочивали власть этих людей.

Тем временем дело шло к шести. Гитлер прощался и поднимался наверх в свои личные апартаменты.

Я и некоторые другие, перемещались в многочисленные приёмные и коротали там время в разговорах.

Если раздавался звонок от адъютанта с приглашением на ужин, то через два часа я снова оказывался в жилище канцлера.

На эти вечерние посиделки собиралось человек шесть-восемь: адъютанты, лейб-медик, фотограф Гофман, один-два из знакомых по Мюнхену, часто – личный пилот Бауэр со своим радистом и борт-механиком и как непременный сопровождающий – Борман.

Политические соратники, например, – Геббельс, были вечерами, как правило, нежелательны.

Общий уровень разговоров был ещё попроще, чем за обе-

дом, говорилось как-то вообще и ни о чём.

Гитлер с удовольствием выслушивал рассказы о новых премьерах, интересовался он и скандальной хроникой.

Лётчик рассказывал о всяких лётных казусах, Гофман подбрасывал какие-нибудь сплетни из жизни мюнхенской богемы, информировал Гитлера об охоте на аукционах за картинами по его заказам, но в основном Гитлер снова и снова рассказывал разные истории из своей жизни и о своём восхождении.

Еда была, как и днем, самая простая.

Домоправитель Канненберг иногда пытался в этом небольшом кругу подать что-то поизысканнее.

Несколько дней Гитлер ел с аппетитом ложками даже чёрную икру и похваливал это новое для него блюдо.

Но ему пришло в голову спросить Канненберга о её цене, он возмутился и запретил её раз и навсегда.

Правда, дешевая красная икра ещё несколько раз подавалась, но и она была отвергнута по причине дороговизны.

Конечно, по отношению ко всем расходам это не могло играть абсолютно никакой роли.

Но для собственной самооценки Гитлеру был невыносим фюрер, поедающий икру.

После ужина общество направлялось в гостиную, служившую в остальном для официальных приемов.

Рассаживались в покойные кресла, Гитлер расстегивал пуговицы своего френча, протягивал ноги. Свет медленно гас-

нул.

В это время через заднюю дверь в комнату впускалась наиболее близкая прислуга, в том числе и женская, а также личная охрана. Начинаясь первый художественный фильм.

Как и в Оберзальцберге, мы просиживали в молчании три-четыре часа, а когда около часа ночи просмотр закончился, мы подымались утомленные, с затекшими телами.

Только Гитлер выглядел всё ещё бодрым, разглагольствовал об актерских удачах, восхищался игрой своих особо любимых актеров, а затем переходил и к новым темам.

В соседней, меньшей комнате, беседа ещё как-то тянулась за пивом, вином, бутербродами, пока часа в два ночи Гитлер не прощался со всеми.

Нередко меня посещала мысль, что круг этих столь посредственных людей собирается точно в тех же самых стенах, где некогда вёл свои беседы с знакомыми, друзьями и политическими деятелями великий «железный канцлер» Бисмарк.

Мой друг Альберт несколько раз предлагал Гитлеру, чтобы хоть как-то развеять скуку этих вечеров, пригласить какого-нибудь знаменитого пианиста или ученого.

К моему удивлению, Гитлер отвечал уклончиво: «Люди искусства совсем не столь охотно последовали бы приглашению, как они в этом заверяют». Конечно, многие из них восприняли бы такое приглашение как награду.

По-видимому, Гитлер не хотел нарушить скучноватое и

туповатое, но привычное и им любимое завершение своего рабочего дня.

Я часто замечал, что Гитлер чувствовал себя скованным в общении с людьми, превосходящими его как профессионалы в своей области.

От случая к случаю он принимал их, но только в атмосфере официальной аудиенции.

Может, этим отчасти объяснялось, что он благоволил ко мне, ещё совсем молодому дипломату... и видимо строил в связи со мной ответственные проекты. По отношению ко мне он не испытывал этого комплекса неполноценности.

Адъютант иногда мог приглашать дам, в основном из мира кино и по выбору Геббельса.

Но в общем допускались только замужние и чаще – в сопровождении мужей. Гитлер следил за соблюдением этого правила, чтобы пресечь всякого рода слухи, которые могли бы повредить выработанному Геббельсом имиджу фюрера, ведущего добродетельный образ жизни.

По отношению к этим дамам Гитлер вёл себя, как выпускник школы танцев на выпускном балу.

И в этом проглядывалась несколько робкая старательность: как бы ни допустить какой промах, как бы не обойти кого комплиментом, не забыть по-австрийски галантно поцеловать ручки при встрече и прощании.

После ухода дам он ещё недолго сидел в своем узком кругу, делясь растроганными впечатлениями о них, и больше –

от их фигур, чем от их очарования или ума – и немножко, как школьник, навсегда уверовавший в недостижимость своих желаний.

Гитлера влекло к высоким полноватым женщинам. Ева Браун, скорее невысокая и с изящной фигуркой, отнюдь не отвечала его идеалу.

На днях Еве Браун была отведена спальная комната в апартаментах Гитлера, непосредственно примыкающая к его спальне, с окнами на узкий дворик. Здесь она вела ещё более замкнутый, чем на Оберзальцберге, образ жизни, незаметно прокрадывалась через запасной вход и боковую лестницу наверх, она никогда не спускалась в помещения нижнего этажа, даже если там собирались старые знакомые, и очень радовалась, если я, мог составить ей общество.

Если не считать оперетт, в театры Гитлер ходил редко.

Кроме того, ему доставляло удовольствие «легкое искусство», несколько раз бывал он в берлинском варьете «Зимний сад». И если бы не опасался ненужных разговоров, ходил бы туда почаще.

Бывало, что он отправлял в варьете своего домоправителя с тем, чтобы поздно вечером, следя по программе, выслушать подробный рассказ о представлении. Хаживал он и в театр «Метрополь», где давались оперетты-ревю с обнаженными «нимфами» и «совершенно никчемным содержанием» – по мнению Альберта. А мне там нравилось...

Совершенно не ясным для меня оставалось, насколько и

в каком объеме Гитлер интересовался художественной литературой.

Обыкновенно он рассуждал о военно-научных произведениях, о флотских календарях или о книгах по архитектуре, которые он с большим интересом изучал по ночам. Ни о чем другом я от него не слыхивал.

Я не мог поначалу понять расточительство Гитлером рабочего времени.

Я ещё мог понять, что Гитлер заканчивал свой рабочий день скучным и пустым времяпрепровождением.

Но эти примерно шесть часов представлялись мне непозволительно долгими, тогда как его собственно рабочий день – довольно кратким.

– Когда же, – спрашивал я себя, – он работает? Ведь времени-то оставалось совсем немного.

Вставал он поближе к полудню, проводил одно-два совещания, но начиная с обеденного времени, он более или менее просто расточал время вплоть до раннего вечера.

Редкие назначенные на вторую половину дня официальные встречи постоянно оказывались под угрозой.

В народном представлении Гитлер был фюрером, который денно и нощно печется об общем благе.

Человеку, знакомому со стилем работы импульсивных художественных натур, бессистемное распределение Гитлером своего порядка дня, напомнило бы богемный стиль жизни.

Насколько я мог наблюдать, иногда в нём на протяжении

недель, заполненных какими-нибудь пустяшными делами, шло вынашивание какой-либо проблемы, чтобы затем, по «внезапному озарению», прийти к её окончательному, в течение нескольких очень напряженных рабочих дней, оформлению.

Его застольное общение служило ему, возможно, средством опробовать в почти игровой форме новые мысли, попытаться подойти к ним с различных сторон, обкатать их перед невзыскательной аудиторией и довести до окончательного вида.

Приняв какое-то решение, он снова впадал в свое ничегонеделание.

Что-то мне подсказывало, что Гитлер принял окончательное решение по и чешскому вопросу...

И я не ошибся. Так на днях у Гитлера был министр иностранных дел Хвалковский. Вышел от него совершенно подавленный. А Гитлер напротив – за обедом был особенно весел.

Вечером неизвестные друзья подбросили мне интересный документ, который был похож на ультиматум. Я его срочно передал в Москву...

***

Москва, Кремль

Сталин читал последние сообщения агентуры.

4 – 7 марта 1939 года в Варшаве с официальным визитом находился министр

иностранных дел Румынии – Гафенку. Состоялись переговоры с Беком, а также

встречи с Председателем Совета министров Польши Славой-Сладковским и

маршалом Польши Рыдз-Смиглы.

Источники сообщали, что визитом Гафенку поляки остались довольны, так как им удалось договориться с румынами по всем интересующим их вопросам. Полякам удалось наверстать упущенное во время поездки Бека в Румынию.

Сейчас поляки добились примирения румын с венграми, а также договорились о тесном сотрудничестве Польши, Румынии и Венгрии в вопросах дунайской политики. В разговоре со своим окружением Гафенку заявил, что Румыния сумела договориться с Польшей по всем основным вопросам, интересующим оба государства. В одной из частных бесед Гафенку подчеркнул, что Румыния полностью разделяет польскую точку зрения в дунайском вопросе и вполне согласна с польской политикой в отношении балтийских стран.

Касаясь Карпатской Украины, Гафенку подчеркнул также общность взглядов с Польшей. Далее Гафенку указал, что уже сейчас приступила к работам смешанная польско-румынская комиссия по постройке канала Висла-Черное море.

Касаясь европейского вопроса, Гафенку указал, что румыны дали свои полномочия Беку, который затронет европейский вопрос во время визита в Лондон от имени двух государств.

Источники сообщают, что Гафенку собрался выступить в Варшаве с инициативой расширения отношений с Советским Союзом. И что Бек, как будто, настоял на своём, то есть пока ограничиться вопросом нормализации экономических отношений с нами. Далее Бек, дал понять Гафенку, что всякого рода политические заявления в отношении СССР должны взаимно согласовываться.

Из Германии Козырев сообщил, что Бринкман – вице-президент Рейхсбанка Германии, действительно умственно заболел и помещён в санаторий.

Но, как считает Козырев, поводом к этому послужила речь, сказанная им в Кёльне на собрании ответственных деятелей национал-социалистской партии. В этой речи он в крайне мрачных тонах обрисовал положение германской экономики, особенно отметив недостаток рабочей силы, металлургического сырья и денежных средств. Он требовал введения режима экономии и более осторожного расходования денег на военные цели.

Экономическое и финансовое положение Германии очень напряженное, министр финансов Функ вряд ли может справиться, а в связи с потерей Бринкмана, как помощника, положение делается ещё тяжелее, – сообщал Козырев.

В связи с этим Шахт вызван из Швейцарии для переговоров, и не исключено, что будет привлечен к работе вновь, но в какой форме, сказать трудно.

Немцы ищут разных выходов из финансовых затрудне-

ний: увеличение эмиссии, выпуск нового займа, увеличение налогов. Недавно опубликованный закон об увеличении налогов даст денег очень немного.

Касаясь германо-литовских отношений, можно сделать заключение, что литовцы во всех требованиях немцев идут на уступки, и усиление немецкого влияния в Мемеле и Каунасе сильно растёт.

Литовский посланник в Берлине сказал, что, мол, мы – литовцы, чтобы устранить всякий повод к недовольству немцев, пошли им навстречу во всем и даже больше.

В Мемельской области немцы полные хозяева, имеют свои охранные и штурмовые отряды и так далее.

– Что мы можем сделать, такая маленькая страна, после мюнхенской истории мы должны быть готовы ко всему, – сказал посланник.

Козырев, сравнивая настоящий уровень жизни в Германии с тем, который был в ней несколько лет тому назад, отмечает большое ухудшение. Не те и настроения даже у отдельных черно- и коричнево-рубашечников. Многие из них, пишет Козырев, в своё время надев эту шкуру охотно, теперь рады были бы сбросить, да этого сделать нельзя.

Далее Козырев сообщает, что ему кажется наличие некоторых сдвигов у немцев в сторону СССР, особенно после советско-польской декларации, Гитлер постепенно сбавляет тон по отношению к СССР и за последнее время не делает никаких выпадов.

Касаюсь германо-польских отношений, Козырев пишет лишь о внешнем их благополучии, фактически же в широких слоях польского населения сильны антигерманские настроения. Прошедшая волна антигерманских демонстраций и погромов в Польше, совпавшая с приездом Чиано в Варшаву, служит этому подтверждением.

Далее Козырев сообщает, что у него с визитом был английский посол Хендерсон. Беседу посол начал с проверки слухов о якобы намечающемся улучшении советско-германских отношений, мотивируя это уменьшением враждебности немецкой прессы к СССР за последнее время.

Посол сказал, что он располагает ещё не проверенными данными о том, что из

Токио ещё в феврале выехала в Европу делегация в составе: Тадзуми – от Генштаба; Абе – от морского министерства и Ито – от мининдела, которая будет иметь переговоры в Риме и Берлине о военном союзе.

Посол также сказал, что на состоявшейся в Париже в конце 1938 года конференции японских послов обсуждался вопрос о целесообразности военного союза между Токио – Берлином – Римом, причём Сигемицу – бывший посол в Москве и некоторые другие послы выступали против такого союза.

Германский посол в Китае Траутман, приехавший в Берлин около пяти месяцев назад, ещё не принят Риббентропом. Траутман был принят только Вайцзеккером, который

обещал и всё ещё не может устроить ему этот прием.

Далее Козырев отмечает усиление германо-японских отношений, выражающееся в довольно большой активизации японского посла в Берлине, участие Гитлера и Риббентропа на открытии выставки 28 февраля, посвященной старинному японскому искусству, предполагается поездка немецких журналистов в Японию, намечаемая организация ряда экскурсий туда же и так далее.

Козырев сообщает, что намерен проверить правильность слухов о намечающихся переговорах о военном союзе между Японией и Германией.

На мой вопрос, каково же состояние немецких поставок вооружений Китаю и идут ли немцы на заключение новых договоров, Чен в

уклончивой форме ответил, что, мол, они (поставки) сошли почти на нет и что

немцы не очень-то идут на улучшение взаимоотношений с Китаем вообще.

Полагаю, пошит Козырев, что визит Хендерсона к нему преследовал две цели: 1) выяснение наших взаимоотношений с немцами, 2) проверка своих подозрений о намечающемся германо-японском военном союзе.

Не успел Сталин дочитать, как раздался звонок секретаря, который сообщил о срочном сообщении Козырева из Берлина.

Через минуту документ лежал на столе Сталина. В нём

Козырев сообщал, что из анонимных источников ему стало известно о требованиях, которые предъявил Гитлер чехосло-
му министру иностранных дел при последней встрече сего-
дня.

По существу, эти требования представляют собою импе-
ративный «диктат».

В основном содержание их сводится к следующему:

1. Правительство Чехословакии немедленно прекращает всякие антигерманские выступления чехословацкой печати;
2. Чехословацкая армия подлежит сокращению примерно на половину своего нынешнего состава;
3. Часть золотого запаса Чехословакии передаётся Германии;
4. Чехословацкое правительство принимает чехословацкие деньги, обращающиеся в Судетской области; за эти деньги Чехословакия отпускает Германии соответствующее количество товаров своего производства;
5. Чехословакия обязуется соблюдать нейтралитет в своей внешней политике;
6. Все евреи, служащие в государственных и общественных учреждениях, а также работающие в хозяйственных предприятиях Чехословакии, подлежат немедленному изгнанию.

Гитлер буквально заявил Хвалковскому, что «евреи в Чехословакии должны быть истреблены».

Далее Козырев сообщает, что видел сам, как Хвалковский

вышел от Гитлера совершенно подавленный оказанным ему приемом.

Источники из чешского посольства в Берлине сообщили, что Хвалковский убежден, что Чехословакии не остается ничего другого, кроме повиновения диктату Гитлера. Однако, по словам источника, многие авторитетные политические деятели Чехословакии не разделяют капитулянтских выводов Хвалковского. В частности, независимую позицию сохраняют пока представители крупной промышленности.

Дочитав срочное донесение Козырева, Сталин неспеша принялся набивать трубку, обдумывая положение дел в Европе.

Затем он придвинул свой доклад и стал энергично вносить правки.

На следующий день Сталин с трибуны XVIII съезда ВКП(б) зачитал его, а в части, касающейся международного политического положения, сказал, что война, так незаметно подкрадываясь к народам, уже втянула в свою орбиту свыше пятисот миллионов населения, распространив сферу своего действия на громадную территорию.

После первой империалистической войны государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира.

Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке – договор девяти держав, а в Европе – Версальский и

целый ряд других договоров.

Лига наций призвана была регулировать отношения между странами в рамках этого режима на основе единого фронта государств, на основе коллективной защиты безопасности государств.

Однако, сказал Сталин, три агрессивных государства и начатая ими новая империалистическая война прокинули вверх дном всю эту систему послевоенного мирного режима.

Япония разорвала договор девяти держав, Германия и Италия – Версальский

договор, чтобы освободить себе руки все эти три государства вышли из Лиги наций.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала ещё всеобщей, мировой войной.

Войну ведут государства агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пьются назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счёт интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт, – воскликнул Сталин.

Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в эко-

номическом, и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств

агрессорам?, – задал Сталин вопрос.

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией,

которая может разыгаться, если неагрессивные государства вступят в войну, и война примет мировой характер.

Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран.

Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина.

Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего Англии и Франции, от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию "нейтралитета".

В политике невмешательства сквозит стремление, желание не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в

войну с Китаем, а ещё лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам

войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут, выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, "в интересах мира", и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило!, – пошутил Сталин, под общий смех зала.

Или, например, взять Германию.

Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать её самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о "слабости русской армии", о "разложении русской авиации", о "беспорядках" в Советском Союзе, толкая немцев дальше на восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками дальше все пойдет хорошо.

Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора.

Характерен шум, который подняла англо-французская и североамериканская пресса по поводу Советской Украины.

Деятели этой прессы до хрипоты кричали, что немцы идут на Советскую Украину, что они имеют теперь в руках так называемую Карпатскую Украину, насчитывающую около 700

тысяч населения, что немцы не далее, как весной этого года присоединят Советскую Украину, имеющую более 30 миллионов населения, к так называемой Карпатской Украине.

Похоже на то, что этот подозрительный шум имел своей целью поднять ярость Советского союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований.

Конечно, вполне возможно, что в Германии имеются сумасшедшие, мечтающие присоединить слона, то есть Советскую Украину, к козьявке, то есть к так называемой Карпатской Украине, – снова Сталин вызвал смех собравшихся депутатов съезда.

И если действительно имеются там такие сумасброды, – продолжил Сталин, – то можно не сомневаться, что в нашей стране найдется необходимое количество смиренных рубах для таких сумасшедших.

Но если отбросить прочь сумасшедших и обратиться к нормальным людям, то разве не ясно, что смешно и глупо говорить серьезно о присоединении Советской Украины к так называемой Карпатской Украине?, – спросил Сталин.

Ещё более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании "похода на Советскую Украину", сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства.

Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их "разочаровали", так как, вместо того чтобы

двинуться дальше на восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на запад и требуют себе колоний.

Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства,

говорить об измене, о предательстве и тому подобное.

Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты.

Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства.

Такова политическая обстановка в капиталистических странах.

Война создала новую обстановку в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности. Подорвав основы послевоенного мирного режима и опрокинув элементарные понятия международного права, война поставила под вопрос ценность международных

договоров и обязательств. Пацифизм и проекты разоружения оказались похороненными в гроб. Их место заняла лихорадка вооружений. Стали вооружаться все, от малых до больших государств, в том числе и прежде всего государства, проводящие политику невмешательства. Никто уже не верит в елейные речи о том, что мюнхенские уступки агрессорам и мюнхенское соглашение положили будто бы начало новой эре "умиротворения".

Не верят в них также сами участники мюнхенского соглашения, Англия и Франция, которые не менее других стали усиливать свое вооружение.

Понятно, что СССР не мог пройти мимо этих грозных событий. Несомненно, что всякая даже небольшая война, начатая агрессорами где-либо в отдаленном уголке мира, представляет опасность для миролюбивых стран.

Тем более серьезную опасность представляет новая империалистическая война, успевшая уже втянуть в свою орбиту более пятисот миллионов населения Азии, Африки, Европы. Ввиду этого наша страна, неуклонно проводя политику сохранения мира, развернула вместе с тем серьезнейшую работу по усилению боевой готовности нашей Красной Армии, нашего Красного Военно-Морского Флота.

В этих трудных международных условиях проводил Советский Союз свою внешнюю политику, отстаивая дело сохранения мира.

Внешняя политика Советского Союза ясна и понятна:

1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей между всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться

таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить, прямо или косвенно интересы целостности и неприкосновенности границ Советского государства.

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины.

4. Мы не боимся угроз со стороны агрессоров и готовы ответить двойным

ударом на удар поджигателей войны, пытающихся нарушить неприкосновенность советских границ.

Такова внешняя политика Советского Союза.

Задачи партии в области внешней политики:

1. Проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей со всеми странами в том числе и с Германией;

2. Соблюдать осторожность и не давать втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками.

3. Всемерно укреплять боевую мощь нашей Красной Ар-

мии и Военно-морского Красного Флота;

4. Крепить международные связи дружбы с трудящимися всех стран

между народами, заинтересованными в мире и дружбе.

Глава 5

Речь Сталина на съезде, которую я сегодня прочёл в «Правде» в нашем берлинском полпредстве, произвела на меня двойное впечатление.

С одной стороны, Сталин дал всем понять, что не испытывает иллюзий и готов к любому сценарию развития событий. А с другой стороны, тоже как бы поощрил Гитлера к дальнейшим действиям, упомянув Германию как страну, с которой «будет проводить и впредь политику мира и укрепления деловых связей».

И в окружении Гитлера эта речь была встречена с оптимизмом.

Я же, находясь в Берлине, видел, как на то, что осталось от несчастной Чехословакии, надвигается гроза.

В феврале 1939 года мелодия «чешского вальса» закружила пол Европы в стремительном танце. Газеты пестрели сообщениями об участвовавших пограничных инцидентах, очередных притеснениях германского меньшинства в Богемии и Моравии. Берлин отправлял одну за другой ноты протеста в Прагу, из Чехословакии были отозваны немецкий посол Фридрих Айзенлор и военный атташе оберст генерального штаба Рудольф Туссен.

Доктор Гаха, слабый ничтожный президент, преемник великого Мацарика и компетентного Бенеша, объявил военное

положение в Словакии, сместил Тисо и распустил кабинет министров Словакии.

Но я знаю, что Тисо – ставленник Берлина. Странно, – а может быть, и нет, – что Германия и Италия так и не дали Чехословакии гарантий, которые они обещали в Мюнхене.

Люди из министерства иностранных дел Рейха признают, что Лондон и Париж требовали от Гитлера таких гарантий, но Гитлер, по их словам, считает Чехословакию всё ещё слишком «еврейской, большевистской и демократичной».

Я не припоминаю каких-либо оговорок на этот счет в Мюнхене.

Следуя Мюнхенскому соглашению, французское правительство, вероятно по настоянию Праги, вновь подняло вопрос о безопасности остатков Чехословакии.

Однако французы не смогли найти нужную тональность, чтобы отстоять свою линию в беседах с Гитлером.

Французам нужно было только без всяких амбиций заявить, что они не смиряются с дальнейшими актами применения силы.

Вместо этого французы использовали приём, который психологически никуда не годился и заключался в том, что они потребовали от Гитлера гарантий целостности чешской границы и обещания хорошо себя вести в будущем. Вместо того чтобы заставить Гитлера отказаться от любой идеи использования силы против Праги, поскольку это было слишком опасно, они захотели связать его моральными обязатель-

ствами.

Мне же казалось, что лучше всего было бы совсем отвлечь внимание Гитлера от Праги, предложив ему договор о дружбе или убедив его, что отсюда в дальнейшем не последует никакая военная угроза. Другими словами, попытаться «заморозить» данный вопрос.

Правда и то, что мне идея гарантий казалась в это время самой злободневной.

19 сентября прошлого 1938 года в Мюнхене Англия и Франция гарантировали Чехословакии неприкосновенность новых границ при условиях, которые ещё не были выполнены.

И Гитлер, и Муссолини размышляли в Мюнхене, как выразить приемлемые гарантии нерушимости границ.

Во время работы международной комиссии, собравшейся в начале октября прошлого 1938 года в Берлине, вскоре выяснилось, что германские участники переговоров больше руководствовались стратегическими, чем этнографическими, соображениями.

Многочисленные действия вермахта, предпринятые во время переговоров, свидетельствовали о том, что руководители рейха намерены были прежде всего провести границу, которая полностью лишила бы Чехословакию её естественной оборонительной линии и укреплений и сделала бы её с военной точки зрения совершенно беспомощной.

Разграничение, которое было вынуждено принять прави-

тельство Праги в октябре 1938 года, включало в территорию рейха 850 тыс. чехов.

Теперь же западные державы хотели свести всё к четырехсторонним гарантиям великих держав.

Однако Гитлер дал понять чешскому послу, что он не станет считаться даже с односторонней гарантией.

Ещё меньше он был склонен участвовать в коллективной четырехсторонней гарантии, в Мюнхене даже не шла об этом речь.

Тем не менее западные страны пытались тешить себя иллюзиями, требуя от Гитлера гарантий. Так вначале произошло во время визита Риббентропа в Париж 6 декабря прошлого 1938 года.

Затем к нему чехи попытались подобраться через посла Франции Кулондра перед самым Рождеством и, наконец, с помощью францужско-британских нот по тому же поводу недавно в феврале этого 1939 года.

Во время дипломатических переговоров я, как мог, осторожно пытался отговорить всех от продвижения этого вопроса. Любая дискуссия по этому поводу была бесполезной и могла только увеличить существующие трудности.

Вместе с тем я считал, что в качестве дополнительной меры безопасности гарантийный план окажется вовсе не бесполезным.

Но было нетрудно увидеть, что сами западные державы всерьез не были им озабочены. Ведь ничто не мешало им

самим заявить об особых гарантиях границ независимо от Гитлера.

Но они вовсе не стремились прийти на помощь Праге.

Нет сомнения, что словацкий сепаратизм являлся прежде всего делом рук германских агентов или словаков, направляемых непосредственно Берлином. Было давным-давно известно, что некий Мах, шеф пропаганды правительства Братиславы, один из самых ярких экстремистов, находился полностью на службе у рейха.

Министр транспорта Дуркански, совершавший частые поездки в Германию, был тоже лишь игрушкой в руках гитлеровцев, и в частности, в руках нациста Кармасина, «фюрера» 120 тыс. словацких немцев.

Что же до магистра Тисо, человека малоэнергичного, но занятого пропагандой успехов гитлеровской идеологии в своей стране, он был не способен противостоять сепаратистским тенденциям, поощряемым Германией.

Именно в силу этой мягкотелости он и был смещен 10 марта центральным правительством Праги.

Эта суровая мера, принятая в отношении магистра Тисо, и его просьба, с которой он обратился к правительству рейха, послужили гитлеровским руководителям тем самым предлогом, которого они дожидались, чтобы вмешаться в распри между чехами и словаками.

Сразу же после получения послания смещенного председателя Совета Словакии официальные германские службы

заявили, что в их глазах только правительство магистра Тисо имело законный характер и что, назначая другого председателя Совета Словакии, Прага нарушала конституцию.

Начиная с этого момента берлинская пресса стала кричать о терроре, которому чехи подвергали в Братиславе словацких автономистов и их немецких соотечественников.

В этот момент я ещё раз вспомнил речь Сталина. – Не послужила ли она некоторым образом спусковым механизмом?, – задавался я тогда и позже вопросом.

Фюрер неоднократно заявлял, что уже сыт по горло и впредь не намерен терпеть творящиеся в Чехословакии безобразия.

Я даже не сомневался в том, что вскоре предстоит так называемое «урегулирование проблемы остаточной Чехии».

Несмотря на мою настойчивость фюрер давал уклончивые ответы и не называл конкретные сроки проведения операции.

Тем не менее я узнал, что по настоянию Кейтеля, фюрер вызвал Браухича и отдал приказ о проведении «акции умиротворения» в связи с нестерпимым положением германских меньшинств.

Правовым обеспечением приказа являются его директивы и указания, подписанные в 1938 году.

Позже Кейтель в дружеской беседе, сказал мне, что тогда фюрер не считал нужным сообщить им, солдатам, о плетущихся политических интригах и дипломатической игре между

Берлином и Прагой. И они покинули его кабинет, так и не узнав ничего нового – некоторые подробности ему затем сообщил военный атташе.

Гитлер же уже не раз демонстрировал свой дар предвидения, и никто в его окружении не сомневались, что у него есть в запасе хитрый дипломатический ход. Даже в тот момент никто из его окружения не думал о войне.

«Мартовские иды» с некоторых пор стали для меня своеобразной точкой отсчета: и в 1933 году, и в 1937 году Гитлер приступал к активным действиям в середине или во второй половине марта месяца! Не знаю, чего в этом больше – случайности или суеверия? Наверное, последнего, поскольку фюрер неоднократно заводил разговоры на «нумерологические» темы.

Начиная с 12 марта тон берлинской прессы сделался ещё более неистовым. Речь уже шла о волнениях не только в Словакии, но также в Богемии и Моравии.

В течение 24 часов акценты сместились.

Берлинские газеты отодвинули на второй план муки, которым подвергались словаки, и с самым решительным возмущением принялись клеймить позором жестокости, жертвами которых якобы становились чехословацкие немцы – выходцы из рейха или представители этнического меньшинства.

Если верить газетам рейха, заговорившим не только тем же языком, но и теми же выражениями, что и в сентябре 1938 года, то над жизнью 500 тыс. чехословацких немцев нависла

самая страшная опасность.

«Чехи, в которых проснулся дух гуситов и старая ненависть против германизма, снова начали охоту на людей. Создалось невыносимое Положение», – писали геббельсята на страницах газет рейха.

Однако, как сообщало БиБиСи, в действительности же, если исключить Братиславу, где беспорядки разжигались службой самозащиты немцев и гвардейцами местного нациста Глинки, получавшими оружие из Германии, порядок не был никоим образом нарушен ни в Словакии, ни в Богемии, ни в Моравии.

Например, английский консул в донесении своему посланнику в Праге констатировал, что в Брюнне, где, по сообщениям германской прессы, «рекой текла немецкая кровь», царило абсолютное спокойствие.

К тому же статьи, публиковавшиеся в берлинских газетах под зажигательными заголовками, были чрезвычайно бедны фактами, – подобно нескольким пылинкам, поднятым в воздух дуновением адских мехов.

Но «великие державы – гаранты» молчали... Всё это стало мне очевидным в моей беседе с английским послом 12 и 13 марта. В феврале Хендерсон вернулся к исполнению своих обязанностей, похоже ещё питая надежды. Он готовился к визиту в Берлин некоторых членов британского кабинета министров, ими должны были стать Стенли и Хадсон.

Хендерсон подчеркнул в беседе со мною, что именно Гер-

мания имеет преобладающие интересы в Чехии.

Посол Италии в Берлине – Аттолико также не проявлял активности. Муссолини снова остался в стороне, поскольку Гитлер в то время не информировал его о своих планах в отношении Праги.

Если первый чешский кризис 1938 года разразился с большим шумом, второй начался тихо, с раскола самой Чехословакии.

Мне трудно сказать, насколько германская интервенция способствовала случившемуся. Я мог полагаться только на свою интуицию.

Примерно 10 или 11 марта мне стало известно, что Гитлер попытался спровоцировать словаков позвать его на помощь.

С этого времени уже не приходилось сомневаться в его намерениях.

Так 13 марта этого 1939 года по указке из Германии лидер словацких сепаратистов Тисо провозгласил «независимость» Словакии.

По Рейхсканцелярии расползлись слухи, что 12 марта Гитлер подписал предварительный приказ по сухопутной армии и люфтваффе о приведении войск в полную боеготовность и предполагаемом вступлении на территорию Чехии 15 марта 1939 года в 06.00, однако вплоть до дня «X» войскам запрещалось приближаться к государственной границе рейха ближе чем на 10 км.

В Рейхсканцелярии мне сообщили, что президент Чехо-

словакии Гаха и министр иностранных дел Хвалковский сегодня приезжают в Берлин.

– Спасать осколки?, – спросил я у Геринга, который срочно вернулся в Берлин из Рима.

Тот, пожав плечами, ответил весело:

– Установлено, что они согласны на всё, вплоть до оккупации.

И добавил заговорщицки:

– Предполагаемое занятия Чехии немецкими войсками, намеченного на следующий день.

Адъютанты Гитлера тут же принялись гадать и распространять слухи: «Неизвестно, примет ли их Гитлер, который уже пустил в ход всю военную машину и останавливать её не намерен. Если чехи вздумают сопротивляться, Прага будет до основания разрушена авиацией. Гитлер твердо решил лично вступить в Прагу. Он мечтает выступить с речью из Граджина – пражский кремль или град».

Под впечатлением этих событий и слухов, юмористически настроенными геббельсятами, что тоже тут крутились, был тут же составлен предполагаемый текст речи, которую Гитлер произнесет в... 1950 году в Лондоне. Начинается она, примерно так:

«Европейцы и европейки! Не случайно я обращаюсь к Вам из Лондона, я не

мог остаться безучастным к мольбам моих угнетенных ирландских братьев...» и так далее...

Гаха и Хвалковский также видели приближение катастрофы, и это была их отчаянная попытка в последнюю минуту спасти свою страну.

Они искали встречи с Гитлером, который согласился принять их в Берлине.

Гитлер, увидев меня в Канцелярии, пожелал, чтобы и я присутствовал при этом «величайшем для Рейха» событии... Я ответил, что буду, но только в качестве частного лица...

По мимике Гитлера я понял, что тот ничего не понял. Он довольно махнул рукой и отправился после обеда к себе в апартаменты отдыхать.

Ночь того рокового дня 15 марта 1939 года, я лично считаю началом конца Гитлера.

Около 21.00 я прибыл в рейхсканцелярию. Гитлер только что поужинал, и все собрались в музыкальной комнате на просмотр фильма «Безнадежный случай».

Гитлер жестом пригласил меня занять пустующее рядом с ним кресло и спокойно произнес: «Гаха появится не раньше 22.00».

Меня задела за живое противоестественность ситуации: через 8–10 часов заговорят пушки, и прольется первая кровь, а здесь... Я совершенно не воспринимал происходящее на экране – все мои мысли были с несчастными чехами, которые даже не подозревают, что ждет их на рассвете...

В 22.00 рейхсминистр иностранных дел Иоахим фон

Риббентроп доложил о прибытии чешской делегации.

На вокзале их встретили со всеми почестями, которые положено оказывать главам государств.

Чехи приехали почему-то с женами, и немцы поэтому прислали в отель «Адлон», где те поселились, несколько охапок орхидей.

Гаха хотел бы прийти в себя после трудного дня и просил назначить аудиенцию на 24.00.

Мне показалось, что я ослышался: как, решается судьба целого народа, а старый господин решил вздремнуть час-другой... Или же это тщательно выверенная дипломатическая тактика?

Гаха спокойно отдыхал и не знал, что с наступлением сумерек, ещё сегодня 14 марта, лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» пересек государственную границу у Моравской Остравы и занимает круговую оборону в районе сталеплавильного завода в Витковице, чтобы дать отпор полякам, вздумай они и на этот раз «полонизировать» часть чешской территории.

Гитлер с минуты на минуту ожидали донесений о занятии этого рубежа.

Я так же узнал, что ещё до того, как Гаха прошёл перед строем почетного караула на берлинском вокзале, посол Праги в Берлине сказал им, что немецкие войска уже пересекли границу в Остраве. Но тот не поверил...

Затем Гахе пришлось сидеть и несколько часов ждать в

отеле «Адлон» телефонного звонка из Канцелярии.

Наконец, в час ночи Гитлер решил принять доктора Гаха, президента Чехословакии, и его премьер-министра Хвалковского «для установления немецкого протектората над Богемией и Моравией», как он уже ясно высказался, в своём новом кабинете.

Гаха появился ровно в полночь в сопровождении министра иностранных дел Франтишека Хвалковского и чехословацкого посланника в Берлине Войтеха Мастны.

Невысокий пожилой человек с тёмными глазами, поблескивавшими на лице, покрасневшем от возбуждения, это был преемник Бенеша – президент Гаха. Он приложил все усилия, чтобы не дать поводов для критики со стороны своего гигантского соседа Германии, с трех сторон окружавшего уменьшившуюся в размерах Чехословакию.

Я иногда, тоже в качестве частного лица, присутствовал на переговорах в Берлине, когда его министр иностранных дел Хвалковский старался угадать пожелания Риббентропа по выражению его лица, лишь бы не нанести ему ненароком какое-нибудь оскорбление.

В области торговли он выражал готовность заключить таможенный союз, гарантируя Германии в основном преференциальный режим, а в политических вопросах покорно выражал своё согласие всеми возможными способами.

Этот низкорослый смуглый премьер-министр выразил своё стремление понравиться одной фразой, которая не мог-

ла бы лучше подвести итог ситуации: «И в делах внешней политики мы хотели бы зависеть от Вас, господин Рейхсминистр, если можно», – добавил он в конце.

Но всё это было бесполезно... чехи для Гитлера были как «красная тряпка для быка».

Я приписывал это его австрийскому прошлому, связывая его безрассудную ярость по отношению к чехам с теорией, что у самого него текла чешская кровь в жилах.

Уже в конце января я слышал, как в Канцелярии поговаривали, что Гитлер решил ликвидировать чешское государство.

Я был взволнован этим известием, потому что во время Судетского кризиса не раз слышал заверения Гитлера, будто проблема Судет составляет его последнее территориальное требование.

Тогда я посчитал это досужими слухами и не придавал значения...

Фраза «Нам не нужны чехи», произнесенная во Дворце спорта и переданная по берлинскому радио в дни «Мюнхена», всё ещё звучала у меня в ушах.

Гитлер и Чемберлен уверили тогда друг друга, что «полны решимости разобраться и с другими вопросами... путем консультаций».

Но теперь... Если Гитлер так явно отрекается от Чемберлена, который является образцом дружественной политики по отношению к рейху...

И если этого человека, пользующегося большим уважением во всём мире – включая и Германию, что я видел своими глазами, Гитлер поставит сейчас в смешное положение, разорвав все свои обещания – письменные и устные, и с вызовом бросит к его ногам, то день расплаты будет недалёким, – считал я.

Моё понимание истинных намерений Гитлера подтвердило подоплеку кампании в прессе, развязанной против остатков Чехословакии, и объявление независимости Словакии и Западной Украины.

Я не удивился, когда 13 марта узнал от Геринга, что ввод войск на чешскую территорию был назначен на раннее утро 15 марта.

И вот сейчас Гаха и Хвалковский приехали в Канцелярию, тут их приветствовала группа телохранителей СС, а оркестр СС исполнил полковой марш... и последним штрихом иронии судьбы стал обход Гахой почётного караула.

В мрачном кабинете Гитлера реальность ситуации проявилась в этом контрасте ещё более разительным образом.

Комната, отделанная темными панелями, освещённая лишь несколькими бронзовыми лампами, производила гнетущее впечатление – подходящее обрамление для трагической сцены этой ночи – подумалось мне.

Гаха начал издалека: в астматическом стиле он долго и нудно перечислял свои заслуги перед австрийской короной, потом плавно перешел к описанию своей деятельности на

юридическом поприще – и опять я был не в состоянии постичь потаенный смысл премилой «салонной беседы» перед лицом грозящей его государству катастрофы.

Адольф Гитлер прервал неспешный ход его мыслей и предложил перейти к насущным политическим проблемам, учитывая всю сложность политического момента.

Здесь не было места доверительной беседе одного человека с другим. Присутствовало много людей, но Гаха, Хвалковский и остальные, даже Геринг и Риббентроп, были аудиторией, а Гитлер оратором.

Мне приходилось бывать с Гитлером и на более длинных заседаниях, чем это... Мне вспомнились первые его встречи при моём посредничестве с Папеном, когда решался вопрос о его канцлерстве. Многочасовые беседы, не прекращавшиеся даже за столом во время обеда и ужины...

Да и годичной давности австрийский кризис был ещё свеж в памяти.

Это заседание длилось всего 45 минут. И я видел Гитлера гораздо более возбужденным, чем на этой встрече с чехами, но я понимал, что данная встреча более важная по своим последствиям.

На самом деле едва ли это можно было назвать переговорами или разговором... Всё это состояло скорее из одного длинного обвинения, выдвинутого против чехов Гитлером, который и на этот раз повторил тот же перечень «преступлений», которые уже в запальчивости перечислял англичанам

и французам полгода назад требуя Судеты.

Никакого нового пункта не было добавлено.

Тем не менее мне Кейтелю пришлось дважды прервать Гитлера: первый раз он доложил о том, что лейбштандарт без боя занял Витковице – Гитлер молча выслушал его и удовлетворенно кивнул. Второй раз Кейтель, видимо по предварительной договоренности, напомнил Гитлеру, что пора отдавать приказ о выступлении, если оно все-таки состоится.

Гитлер посмотрел на часы и сказал: «Сейчас только 02.00. До 04.00 вы получите все необходимые распоряжения...»

И снова Гитлер обрушился на чехов...

«Ничего не изменилось, – утверждал Гитлер, – по сравнению с режимом Бенеша – дух Бенеша жив и в новой Чехословакии».

«Он не имеет в виду, – сказал он, – что не доверяет Гахе – все в Германии убеждены в его лояльности. Но Германия должна установить протекторат над оставшейся территорией Чехословакии ради безопасности рейха!»

Гитлер сказал это с большим жаром – он действительно никогда не мог спокойно говорить о чехах и о Бенеше.

Гитлер всё говорил и говорил, доведя себя до истерики...

Гаха и Хвалковский сидели, будто обратившись в камень, пока он на них кричал. Только по глазам было видно, что они живы.

Должно быть, это был чрезвычайно тяжелый удар – узнать из уст Гитлера, что их стране пришел конец.

Поразительно, как пожилой человек сохранил самообладание перед Гитлером после такого напряжения.

Гитлер внушал чешскому президенту, что нужно наконец определиться с решением. Кейтель подтвердит: войска уже на марше, ровно в 06.00 они пересекут границу. Только Гаха решает сейчас, прольется кровь или нет...

Гаха попросил об отсрочке: ему нужно связаться с правительством, проконсультироваться по телефону – Гитлер мог бы отдать приказ и остановить войска...

Гитлер отклонил предложение: связи нет, решение нужно принимать незамедлительно, технически невозможно остановить выдвижение войск к границе...

В разговор вмешался Геринг: с первыми лучами солнца над Прагой появятся армады немецких люфтваффе – неужели чехам не жалко их прекрасного города; нужно решать сейчас, упадут бомбы на мирные селения или нет...

Гаха сдался. Он ни в коем случае не хочет начать кровопролитие... нельзя ли ему незамедлительно связаться с командирами чешских гарнизонов и пограничных частей, чтобы категорически запретить им применять оружие...

Кейтель вызвался составить текст радиogramм для срочной отправки в Прагу, штабы военных округов и главнокомандующим родами войск.

Гитлер подписал приказ «О вступлении вермахта на сопредельную территорию» для срочной передачи в ОКХ. «Я разрешаю открывать огонь только в случае оказания воору-

женного сопротивления», – добавил он напоследок.

Около 03.00 приказ фюрера был отправлен по инстанции. До завершения всех подготовительных мероприятий в распоряжении армии осталось не более трех часов.

«Вводу немецких войск нельзя воспрепятствовать, – сказал Гитлер Гахе. – Если вы хотите избежать кровопролития, лучше сразу же позвонить в Прагу и дать указания вашему министру обороны приказать чешским вооруженным силам не оказывать сопротивления». С этими словами Гитлер закончил разговор.

Однако телефонная линия в Прагу была не в порядке. Нервничающий Риббентроп поручил своему статс-секретарю фон Вайцзеккеру выяснить, – кто «нас подвел?»

Мы остались ожидать, а он умчался...

Через 10 минут тот позвонил и сообщил, что «перевернул всё вверх дном в почтовом ведомстве, но лишь получил информацию, что немецкая линия в порядке, а Прага не отвечает».

«Немедленно вызовите ко мне Главного почтмейстера!» – раскричался Гитлер, багровый от злости, зная, что неудача в этом деле будет стоить многих жизней.

Тем временем в другой комнате Геринг беседовал с Гахой. Неожиданно пробилась Прага.

Я по кивку Гитлера, который сидел опустошённый, поспешил к ним, чтобы принять там звонок. Они спокойно сидели за столом, беседуя безо всякого признака волнения.

Гаха немедленно подошел к телефону, а я остался рядом на минуту, чтобы удостовериться, что он действительно дозвонился.

Всё было нормально, но мгновение спустя связь снова оборвалась.

Я вышел из комнаты, и Риббентроп попросил уже меня «вытащить Главного почтмейстера из постели» с сердитым намеком, что «министры спят в такой ситуации, когда мы здесь трудимся изо всех сил!»

Только я собрался выйти, как услышал, что Геринг зовёт профессора Мореля, личного врача Гитлера.

– Гаха потерял сознание! – крикнул Геринг в большом волнении. – Надеюсь, с ним ничего не случится. И задумчиво добавил: – Это был очень напряженный день для такого старого человека.

– Если с Гахой что-нибудь случится, – подумал я, – весь мир завтра скажет, что он был убит в Канцелярии Гитлера.

Внезапно эти мои мрачные размышления были прерваны вызовом с центрального коммутатора министерства иностранных дел...

Риббентроп кричал им, что немедленно уволит всех вместе с их управляющим, «если в течение часа они не добьются связи», и тут сообщили, что Прага, наконец-то, на линии.

Я вернулся в комнату, где всё ещё находились Гаха и Геринг, которые теперь тихо разговаривали между собой. Внешне Гаха оправился от обморока.

Инъекция Мореля, судя по всему, оказала благотворное воздействие.

Доктор Морель обихаживал опустошенного и потрясенного до глубины души Гаха. Мне было искренне жаль старого человека.

Кейтель видимо тоже пожалел старика и подойдя к нему сказал, что пусть он не сомневается, с немецкой стороны не будет произведено ни одного выстрела, соответствующие приказы уже отправлены в войска – всем нам остается надеяться на благоразумие чешских командиров, – добавил он.

Затем Гаха и Хвалковский стали говорить с Прагой, а мы с Герингом вышли из комнаты, пока они продолжали разговор по-чешски.

Вероятно, связь была не очень хорошей, потому что Хвалковскому, говорившему первым, пришлось повисить голос и произносить слова очень медленно.

На мой немой вопрос-взгляд, Геринг замялся и невинно сказал:

– Подумаешь... испугался шутки... что я отдал приказ бомбить Прагу...

Увидев моё полное недоумение, он стал оправдываться:

– Это всё по-нарошку... Я говорил в «пустую» трубку, – пояснил Геринг, имея ввиду, что ни с кем на самом деле не разговаривал.

– Я же не знал, что он такой впечатлительный, – пожал Боров фельдмаршалскими погонями на плечах своего рас-

шитого золотом мундира.

Затем я, по просьбе Риббентропа, пока не было фон Вайцзеккера, должен был подготовить хорошую копию краткого, всего в несколько строчек, коммюнике: «На встрече Гитлера и Гахи открыто рассматривалась серьезная ситуация, сложившаяся в связи с событиями последних недель на бывшей чехословацкой территории. Обе стороны выразили убеждение, что все меры должны быть направлены на обеспечение спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что в этих целях и для окончательного успокоения он со всем доверием вверяет судьбу своего народа и страны в руки фюрера – руководителя Германского рейха. Фюрер принял это заявление и объявил свое решение взять народ Чехословакии под защиту Германского рейха и обеспечить автономное развитие его национальной жизни в соответствии с её специфическими чертами».

Этот текст, заранее подготовленный Гитлером, был подписан им самим и Гахой, а также Риббентропом и Хвалковским 15 марта в 3 часа 55 минут утра. Лишь немногие из тех, кого это коснулось, понимали, покидая тогда большое серое здание на Вильгельмсплац, что конец Чехословакии был в то же время началом конца Германии.

Когда чехи ушли, оживился снова Гитлер, который до этого представлял из себя сдувшийся воздушный шарик.

Он стал прыгать, приседать и бить громко ладонями себя

по ляшкам, выкрикивая при этом:

– Под конец я так обработал этого старого господина, что он уже был готов поставить свою подпись, но тут у него начался сердечный приступ. В соседней комнате доктор Морелль сделал ему укол, который в данных обстоятельствах оказался слишком действенным: Гаха собрался с силами даже чересчур, оживился и уже начал отказываться от подписания документа... пришлось повозиться, прежде чем он полностью оказался в моих руках».

Я этот момент пропустил, готовя коммюнике в приёмной.

К этому времени немецкие войска уже перешли границу и двигались по направлению к Праге.

За сутки до этого границу Чехословакии перешли венгерские войска, которые заняли Закарпатскую область Украины.

Фактически к утру 15 марта Чехословакия, как независимое и самостоятельное государство, перестала существовать.

Согласно приказу из Праги, чешские войска не оказали сопротивления противнику, за исключением оборонявшей Чаянковы казармы в городе Мистек пулеметной роты капитана Карела Павлика. Впрочем, и его в конце концов приказом сверху заставили прекратить огонь по немецким «миротворцам».

Гитлер приказал задержать Гаху и Хвалковского в Берлине до обеда, а сам изъявил желание двинуться напрямик в Прагу.

Я отказался от его предложения совершить такой вояж, сославшись на недомогание и плохую погоду.

Для середины марта снег в центре Европы – это редкость...

Геринг тоже отказался, сославшись на важные дела.

И только несчастный Риббентроп был вынужден поехать...

С Ангальтского вокзала Берлина отправлялся спецпоезд фюрера.

Итак, немецкие войска почти парадным строем прошли от границ до Праги, а единственным препятствием на их пути стал снегопад.

Военный атташе Германии сообщал в своем донесении, которое тут же распространили «геббельсята»: «Не потребовалось никаких провокаций – чехи с готовностью поддерживали возгласы «Хайль, Гитлер», а их военные передали нам в целости и сохранности все свои самолеты, танки, пушки, склады боеприпасов и хранилища горючего. При этом только один или два офицера отказались подать нам руку. Все остальные ползали на животах. Иметь таких противников просто противно», – брезгливо завершал свою депешу полковник.

В результате оккупации Чехословакии, Германия захватила 1582 самолета, 501 зенитное орудие, 2175 пушек, 785 минометов, 43 876 пулеметов, 469 танков, свыше 1 млн. винтовок, 114 тыс. пистолетов, 1 млрд. патронов, 3 млн. снарядов и другие виды военной техники и снаряжения, достаточного

для вооружения 40 немецких дивизий.

Так же мне стало известно, почему сегодня ночью Гитлер действовал так нагло.

Ему ещё вчера доложили, что на созванном министром иностранных дел Англии – Галифаксом совещании по чехословацкому вопросу было решено, что Великобритания «не должна прибегать к пустым угрозам, поскольку мы не намерены бороться за Чехословакию. Мы не должны считать, что каким-то образом гарантировали Чехословакию».

Чехословацкому правительству настоятельно рекомендовали воздержаться от каких-либо действий против немцев внутри страны и установить непосредственный контакт с Берлином.

Во второй половине дня пришло сообщение из Праги: «под охраной танков и броневозов в город прибыл Гитлер, который приказал вывесить на флагштоке «императорского замка» в Градчанах флаг со свастикой».

Находясь в Праге, Гитлер объявил Моравию и Богемию протекторатом Германии, наместником которого назначил фон Нейрата.

Конрад Генлейн получил пост начальника Гражданского управления Моравии и Богемии. Словакия была объявлена Гитлером государством «под немецкой защитой» в течении 25 лет.

В своей речи с балкона пражского Града, Гитлер заявил, что такая «искусственная формация», как Чехословакия, яв-

лялась «источником беспокойства и обнаружила свою внутреннюю нежизнеспособность, поэтому и произошел фактический распад чехословацкого государства».

Исходя из требований самосохранения, Германская империя решила «вмешаться в определение дальнейшей судьбы народов Чехословакии с целью восстановления основ разумного порядка в Центральной Европе» и для обеспечения германскому и чешскому народам «жизненного пространства и национального самобытного существования».

МИД Германии, в след за этим, своей нотой известило иностранные правительства об установлении протектората над Богемией и Моравией.

Послы Великобритании и Франции прибыли в германский МИД с нотами протеста против захвата Чехословакии.

Однако французскому послу Кулондру было заявлено, что Франция после подписания франко-германской декларации от 06.12.1938 года не имеет права ставить вопрос о Чехословакии.

В конце концов статс-секретарь МИДа фон Вейцеккер принял ноту, отметив, что французское правительство может раскаяться в своем демарше.

Из Москвы ничего не поступало...

В Париже полнейшая апатия по поводу этого последнего гитлеровского мятежа. Франция и пальцем не пошевелит. Разумеется, Бонне сказал сегодня в комиссии парламента по международным делам, что мюнхенские гарантии пока

ещё «не вступили в действие» и поэтому Франция не обязана что-то предпринимать.

Звонил мне Эд Марроу и сообщил, что в Лондоне реакция та же самая, что Чемберлен, выступая сегодня в палате общин, зашел еще дальше, заявив, что он отказывается связывать себя какими-либо обвинениями Гитлера в вероломстве.

Из Лондона позже сообщили, что премьер-министр Чемберлен публично заявил в Палате общин, что «Великобритания не может считать себя связанной обязательством о гарантии целостности Чехословакии», и заявил, что его правительство предложило банку немедленно прекратить выплату английского послемюнхенского займа Чехословакии, а также отменило поездку министров Стэнли и Хадсона в Берлин.

В своем выступлении он утверждал, что Чехословакия прекратила своё существование «в результате внутреннего распада», и объявил о намерении английского правительства следовать прежней внешнеполитической линии, подчеркнув, что «никому не позволит сбить его с этого курса».

В тот же день министр иностранных дел Галифакс заявил французскому послу, что Великобритания и Франция получили «компенсирующее преимущество», заключающееся в том, что «естественным способом» покончено с обязательством о предоставлении гарантии Чехословакии, бывшим «несколько тягостным» для правительств обеих стран.

День 16 марта, непосредственно последовавший за заня-

тием Праги, изобиловал слухами всякого рода: об обращении карпато-украинцев к Гитлеру с просьбой о протекторате, каковое осталось без ответа, о занятии поляками кусочка словацкой территории, об обращении к Гитлеру мемельского фюрера Неймана, о падении Бонне и тому подобном.

Журналисты, видевшие Гаху и Хвалковского в «Адлоне», после ночного совещания последних с Гитлером, говорили о жалком впечатлении, которое производили эти два маленьких, растерянных человека в сопровождении торжественно-напыщенных высоких немцев.

Вернувшийся из Праги, вместе с Гитлером, Риббентроп принял меня, и сразу спросил:

– Герр фон Козырёфф, а что Сталин?

Я неопределённо пожал плечами.

Риббентроп махнул рукой и принялся посвящать меня в детали их с Гитлером поездки.

У самой границы они пересели в автомобили и вместе с автоколонной сопровождения выехали в направлении на Прагу.

Ехали медленно, то и дело обгоняя наступающую пехоту, вскоре их продвижение окончательно застопорилось – все дороги, ведущие к чешской столице, были запружены маршевыми колоннами вермахта.

Было по-зимнему холодно, на дорогах – снежные заносы и гололедица. Спешенные и в конном строю части с трудом продвигались по заснеженным дорогам, конные запряжки и

артиллерия конной тяги безнадежно вязли в сугробах...

Только с наступлением сумерек они оказались у ворот чешской столицы вместе с передовыми частями вермахта.

Эскорт мотострелков сопровождал Гитлера и его свиту в Пражский Град, где была оборудована походная штаб-квартира фюрера.

– Мы, герр фон Козырёфф, ехали налегке и не запаслись провиантом: холодный ужин... купили по пути в ставку, в одной из местных бакалей – пражскую ветчину, булочки, масло, сыр, овощи и пильзенское пиво, – весело рассказывал Риббентроп.

Адольф Гитлер, по его словам, с удовольствием потягивал отменное чешское пиво из богемского хрустального бокала... – Все проголодались и нашли ужин великолепным..., – добавил гитлеровский министр иностранных дел.

С его слов выходило, что везде их встречали цветами, и так до самого въезда в Прагу и во дворец.

– Непосредственно после этого государственного акта, герр фон Козырёфф, я имел в Пражском Граде длительную и серьезную беседу с Адольфом Гитлером, – сказал напыщенно Риббентроп.

Далее он мне поведал, что якобы во время оной он указал Гитлеру на то, что оккупация Богемии и Моравии неизбежно вызовет значительное противодействие в англо-французском лагере.

Риббентроп подчеркивал ему свое убеждение, что с даль-

нейшими территориальными изменениями, Англия, вооружение и политика союзов которой форсируются всеми способами, без войны уже не примирится.

– А как же фюрер объяснил всё это?, – спросил я с интересом.

Риббентроп кивнул и ответил:

– Необходимость оккупации Богемии и Моравии Адольф Гитлер объяснял мне прежде всего стратегическими причинами. Он мне цитировал бывшего французского министра авиации Пьера Кота, который назвал Чехословакию «авиа-маткой» против Германии, и приводил сообщения о том, что на чешские аэродромы прибыли русские летчики.

Я не выдержал и сказал, что это чушь.

Риббентроп тем ни менее продолжил:

– Фюрер разъяснил мне, герр фон Козырёфф, что не мог больше терпеть эту вражескую стрелу в теле Германии. «С чехами можно хорошо уживаться, – сказал он, но необходимо, – чтобы защиту этих областей Германия держала в своих руках».

На возражения Риббентропа насчет возможной реакции в Англии, Гитлер отвечал ему констатацией, что чешский вопрос для неё совершенно не важен, а для Германии имеет жизненное значение. И он не видит, почему этот факт должен мешать желаемому германо-английскому сотрудничеству. «Англия владеет сотнями доминионов, протекторатов и колоний, – кричал он, – и должна понять, что такая

жизненно важная для Германии проблема не может оставаться нерешенной».

На это Риббентроп ответил фюреру, что Англия будет рассматривать занятие Богемии и Моравии под углом зрения роста германской мощи и что у Чемберлена возникнут из-за этого трудности, но Гитлер упорствовал.

Затем Риббентроп рассказал мне, что 16 марта около полудня Гитлер принимал там депутацию чешских сановников с Гаха во главе, заверивших его в полной лояльности и абсолютной покорности. А вечером того же дня Гитлер и Риббентроп пересекли Чехию и направились в Вену.

Как и год тому назад, в марте 1938 года, австрийцы, по словам Риббентропа, устроили им восторженную встречу у гостиницы «Империал».

В вестибюле их встретил барон фон Нейрат, прибывший туда по приказу фюрера для вступления в должность «протектора Богемии и Моравии».

Об этом он узнал из прессы, и как показалось Риббентропу, был скорее недоволен новым назначением, чем озадачен...

В Вену прибыла делегация вновь сформированного независимого правительства Словакии – президент Йозеф Тисо, министр внутренних дел Дуржанский, министр иностранных дел и военный министр Тука.

Ещё 15 марта Тисо направил фюреру прошение с просьбой взять Словацкое государство под свою защиту.

Гитлер распорядился, чтобы фон Риббентроп разработал со словаками проект договора «О статусе охранных зон», а Кейтель там представлял немецкие вооруженные силы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.